

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://marshaksamuil.ru/> Приятного чтения!

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак

ЗИМОВЬЕ НА ЮГЕ

Рассказ

Канун Нового года в южном курортном городе. Вчера еще в воздухе пахло весной, а сегодня обычный зимний день. В городском саду скорбно опустели длинные скамейки. На ветвях – иней. С набережных сюда долетают холодные брызги разбушевавшихся волн.

Больные редко выходят к своим креслам на балконах. На юге холод кажется истинным проклятьем божьим, и в этом духе обмениваются впечатлениями люди, встречающиеся на улицах.

Но и в южном зимующем городе чувствуется близость Нового года. Магазины бойко торгуют, а в семейных домах, где есть дети, можно видеть обычное предпраздничное оживление.

В нашем доме семейных квартир нет. В верхнем этаже одиноко грустит барышня-хохлушка, очень больная, но из больных самая привлекательная и кроткая. С ней рядом комнату снимает туберкулезный молодой человек, ширококостый, большой, но с бледным, потеряннным лицом. Эти два жильца сейчас, как и всегда, тихо сидят в своих комнатах. Изредка в тишине раздается то кашель барышни, сопровождаемый легким отзвуком ее нежного, грудного голоса, то сердитый и нетерпеливый кашель молодого немца.

Нижний этаж грустит по-своему. Здесь чаще всего попадают люди здоровые, но чувствующие себя одержимыми всеми недугами мира. С ними находятся их близкие, уверовавшие в эти призрачные болезни: тут и заботливые жены, и вечно испуганные родители, и нежные сестры.

Мой сосед – бывший земский начальник, когда-то кутила и весельчак, а теперь не то добровольный инвалид, не то ребенок.

Сейчас он отправляется в водолечебницу и, недовольный холодом зимнего дождя, делает плачущую гримасу. Наконец вспоминает, что болезнь дает ему право взять извозчика, хотя бы и для пути в несколько шагов.

– Послушайте, – говорит он мне расслабленным голосом. – Если вам у нас не скучно, – пауза и вздох, – то приходите к нам встречать Новый год. Мы получили такого великолепного гуся с яблоками.

Минутное увлечение, а затем тяжкая реакция и вздох.

Я жду его в лечебнице, и мы вместе отправляемся домой.

В комнате у него тепло, но эта теплота какая-то больничная, как от фуфайки.

– Эмма, – говорит он жене, – доктор сказал, что я выгляжу сегодня гораздо лучше. Но сам я чувствую, что сегодня непременно повторится сердечный припадок!

Красивая Эмилия Васильевна озабоченно смотрит на него, а затем спокойно и не спеша готовит ему холодный компресс на сердце.

С компрессом на груди Евгений Аркадьич начинает хлопотать около елки и убирает ее, очень искусно работая тонкими пальцами. А спокойная Эмилия Васильевна идет заниматься своим деревенским гусем.

Приближаются сумерки, и к обеду приходят гости – барышня-хохлушка и молодой немец.

За обедом едят много. Жареный гусь из имения долгое время висится на блюде, несмотря на огромные розданные порции.

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
Из другой комнаты светится елка, увешанная самыми; причудливыми безделушками. К обеду подается коньяк, но настоящего праздничного веселья не создается.

Евгений Аркадьевич рассказывает анекдоты из своей деревенской деятельности: как он судил крестьян, как он расправлялся с мордвой, "с которой иначе нельзя".

Девушка-хохлушка несочувственно смотрит на него, но молодой немее все время добродушно улыбается,

Расходятся. Молодой немец идет домой и пишет родным поздравления на красных, раскрашенных открытках. Его комната поражает своей белизной и чистотой, – совсем больничная палата. Изредка он прислушивается к кашлю молодой девушки, и лицо его становится каким-то бессмысленно-нежным. Потом опять принимается за писание и лукаво улыбается.

Вдруг шаги и стук в дверь: Эмилия Васильевна, Евгений Аркадьич, ряженные. Плотные формы Эмилии Васильевны всячески протестуют против тесного военного костюма, который она напялила на себя.

– Эх, на тройке бы! – истерически восклицает муж. Жена пользуется моментом и говорит:

– Милый, поедem в деревню. Там и покатаемcя всласть!..

На зов приходит молодая барышня-хохлушка. (Ее усиленно звал Евгений Аркадьич.)

Он предлагает ей танцевать. Она отказывается, смеется и кутается в шаль.

– Я так давно не думала о танцах!..

– Скажите, – обращается к немцу Евгений Аркадьич. – Ведь у вас сегодня будни? Ваш Новый год был тринадцать дней тому назад по новому стилю.

Немец, который твердо решилcя не выходить сегодня из праздничного настроения, отвечает ликующим тоном:

– О, нет! Я ведь не из Германии, а из Прибалтийского края. У нас старый стиль!

– Разве вы не из Швабии?

"Швабия" почему-то приводит немца в состояние несколько раздраженное.

– Я родился в России.

Больные любят ссориться. Кроме того, им, как и всем людям, хочется иногда поиздеваться над слабейшим.

– Может быть, и в России. Но почему у вас чухонское произношение и несколько монгольский тип?

– В вашем языке и в вас самих, – выпаливает немец, – много монгольского! Ведь вы – татары. Да, да, татары.

– Пусть так! – говорит Евгений Аркадьич. – А скажите, давно ли вы закрыли свою булочную в Риге?

– Вы русский грубиян! – орет немец.

– Ну, ну, Эйтель-Тэйтель. Не ругайся! А не то я...

Они уже стоят друг против друга в самых угрожающих позах.

Сжатые кулаки немца, желтые и костлявые, напоминают два детских черепа.

Он тяжело дышит. Его успокаивает молодая барышня. Между тем и Евгений Аркадьич схватился за сердце. Улыбавшаяся за минуту пред тем Эмилия Васильевна уводит мужа вниз.

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
Они возвращаются к себе в комнату.

Поговорив с взволнованной барышней, я спускаюсь к ним и сижу в кресле.

Зажигают елку, раздают подарки, угощают конфетами. Но в этом доме нет детей, а без детей на елке, как бы это выразиться помягче, скучно...

АВИАЦИЯ

Перед одним из полетов к авиатору подошли три дамы: пожилая брюнетка, молодая шатенка и юная блондинка.

Пожилая брюнетка сказала:

- Ах, не летайте сегодня. Сегодня вы непременно разобьетесь. Такое уж у меня предчувствие... Авиатор сухо ответил:

- Благодарю вас за ваше предупреждение или... пожелание. Но летать буду.

Авиаторы ужасно упрямый народ - и дам не слушаются.

Другая дама - молодая шатенка вручила авиатору десяток апельсинов и сказала:

- Когда вы будете на высоте трех километров над Землей, очистите один апельсин и бросьте мне половинку. Нам обоим будет сладко: вам где-то под облаками, мне - на земле. Как будто между нами не было никакого расстояния!

Авиатор ответил:

- Апельсин - это можно... Точно так же, как ответил бы:

- Пиренеи - это можно. Станный народ - господа авиаторы. Третья дама, юная блондинка, как третья из сестер а сказке, высказала самое скромное желание:

- Покатайте меня, господин авиатор. Две предыдущие дамы даже не дали авиатору ответить ей,

- Душечка, - сказали они юной девице, - в вашем возрасте мы не летали. Благовоспитанные барышни вообще не летают. И, наконец, это чудовищно опасно. Каждый день мы узнаем о новых, вольных и невольных жертвах авиации. Люди, которые могут быть полезны обществу, семье, близким, не имеют никакого права летать. Летать - это ужасный Эгоизм.

Но категорические афоризмы дам только раззадорили молодую девицу, и она промолвила решительно:

- Я буду летать!

И добавила вкрадчиво:

- Если только monsieur согласится взять меня с собой.

Обе дамы с негодованием умолкли. Наступила пауза. Наконец авиатор пробормотал, улыбаясь:

- Пожалуйста, барышня. Садитесь.

Дамы злорадно поглядели на юную девицу. Она стояла у самого аппарата и с ужасом рассматривала эту штуку, которая вблизи не похожа ни на стрекозу, ни на птицу. Нисколько не изящна, и вовсе, как это говорится, "неустойчива"... Наоборот, даже на земле машина чуть-чуть пошатывалась.

Юная девица вспомнила, как это ужасно падать с высоты даже во сне. Захватывает дыхание, нельзя крикнуть, и сердце вырывается из грудной клетки. С одной стороны, пережить этот ужас во сне даже приятно: просыпаешься на мягкой постели, у себя дома, как ни в чем не бывало... Но с другой стороны, о таком подвиге в сновидениях в газетах не напишут и подруги изумляться не будут. Другое дело - наяву...

К тому же известно, что умереть в юности замечательно, приятно!

Она стояла у крылатого эшафота и мысленно молила воздушного палача о пощаде.

Но авиаторы – народ тугой на соображение, и нечуткий авиатор продолжал улыбаться и бормотать:

– Пожалуйста, барышня. Садитесь.

Милая блондинка наконец нашла исход из столь затруднительного положения и, кокетливо улыбнувшись, сказала авиатору:

– Хорошо. Я поеду с вами. Только ведь страшно!.. Нельзя ли под хлороформом?

Дамы в ту же минуту изменили свое отношение к милой барышне. Они добродушно засмеялись и потрепали ее по щеке:

– Как она наивна! Как мила в своей наивности!..

Но просвещенное внимание дам привлекла между тем особа, одетая довольно скромно и стоявшая в группе людей шоферского вида.

– Жена авиатора! – шепнул кто-то нашим дамам.

– Жена авиатора! Ах, как это интересно!

Обеим дамам вспомнилось что-то другое в том же роде. Кажется, кинематографическая мелодрама под названием "Жена моряка" или "Жена контрабандиста". Обе дамы захотели быть немедленно представленными "жене авиатора".

– Душечка! – обратились они к скромной даме, – ведь это ужасно быть женой авиатора? Конечно, отчасти и интересно: популярность, сочувствие общества... Взор, устремленный в высоту, вслед парящему супругу! Супруг, возвращающийся к вам из чистых небесных сфер, как орел к своей орлице, как голубь к своей горлице!.. Это не только интересно, – это бесконечно увлекательно и заманчиво! Но с другой стороны, подумайте: вы не сегодня-завтра – вдова. Вы не знаете, какой из поцелуев вашего мужа окажется прощальным. Лаская своего мальчика или свою девочку, вы не знаете: ласкаете ли вы сына (или дочь) своего мужа или бедную сироту?.. Нет, вы подумайте: сколько шансов имеется за гибель! Разбился Мациевич, погибли Матыевич-Матеевич, Смит; во Франции – Шавез, Монис, Берто. Положим, последние двое были только невольными жертвами авиации. Тем большая опасность грозит самому авиатору!.. Давно ли вы замужем? Есть ли у вас дети? Вот что, милочка: у меня сегодня мрачное предчувствие... Я уж говорила вашему мужу, но мужчины, а в особенности авиаторы, так мало уделяют нашим словам внимания. Но вы должны пойти к нему и запретить ему летать.

Жена авиатора только промолвила:

– Что я могу поделать! Он сам знает. Полеты – это его жизнь, его душа.

– Но у меня предчувствие! – зловеще прошипела дама.

– Благодарю вас, но я давно уже перестала верить в предчувствия. Все это – дело случая,

– Я предупреждаю вас, пока не поздно.

– merci {Спасибо (франц.)}.

– Какая бесчувственность! Какая жестокость! – пробормотала дама, отходя от "жены авиатора".

Невдали произошел переполох. Авиатор быстро спускался – казалось, падал – и притом над самыми трибунами. Но паника длилась недолго: аппарат опять пошел в высоту.

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru

- Сегодня бог нас спас, - говорил в толпе кто-то, почтенный, но перепуганный до крайности. - В другой раз я ни за что не пойду на полеты. В конце концов не стоит... Надоело. Летают как летают. А от опасности не уберешься. Уж если во Франции министров кромсать стали, то нам, простым смертным, и совсем беды не миновать.

- Да, но толпу удержать трудно: падка на зрелища. Надо только оградить ее безопасность какими-нибудь законами. Позволить, что ли, авиаторам летать только над морем, да над Пиренейскими и Апеннинскими ущельями. Пусть лучше один человек погибнет - и притом по своей собственной воле, чем десятки и сотни ни в чем не повинных зрителей.

- Ах, опускается! Опять опускается!.. Запретил бы я этим авиаторам совершенно опускаться на землю. Захотел небесных пространств - вот и летай и не надо тебе на землю.

...У одного из ангаров с авиатором разговаривал поэт лирической школы. Как это отметил некий критик, у русских поэтов авиация большим успехом не пользуется. Самое незначительное из "душевных движений" интересует их больше, чем сотни верст движения в воздухе. И они, по-своему, правы.

- Видите ли, - говорил поэт, - зачем вся эта томительная процедура полета, когда мы в своем воображении могли бы проделать то же самое - только в размерах куда более грандиозных. Сегодня я мечтой в Мексике, завтра над океаном...

Как ни был авиатор туг на соображение и неразвит, он, не смущаясь, ответил порту:

- Странно... У вас такой вкрадчивый голос и так много женственности. Знаете" мне начинает казаться, что со мной и на этот раз беседует дама....

Сказав это, авиатор отвернулся от толпы назойливых собеседников и взгляделся в далекую точку горизонта. Он напряженно о чем-то думал. Думал, может быть, о товарищах своих, перемахнувших через высокие горы, перелетевших из Парижа в Мадрид, в Рим. Над Пиренеями на них напали орлы, вступившие в безнадежное сражение с новыми птицами, как смелые горные племена с полчищами могущественной державы.

Но авиатор размышлял об этих делах вовсе не так образно, как мы сейчас. Он только соображал с приблизительной точностью, мог ли бы он сам, со своей машиной и при известных качествах своего мотора, совершить такой же перелет...

ПОД ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ МОСТОМ

На Лондонского дневника

Излюбленный мной "Дворец картин" - "Picture Palace" (так называются в Лондоне кинематографы) находится в самой мрачной части Ист-Энда. Зрительный зал его помещался под мостом городской железной дороги.

Непривычные зрители цепенеют от ужаса, когда над их головами с удвоенным грохотом пролетают поезда. Помещение напоминает сумрачные и колоссальные конюшни. Грязь там невероятная! В подражание Данте над дверями "Дворца" можно было бы начертать следующую надпись: "Оставь брезгливость всяк сюда идущий" {1}. Но вместо этой надписи над входом жирнейшей краской намалевано следующее: "Входная плата - 1 пенни".

Воскресный день. Сумерки наступают рано. В четыре часа или даже раньше день начинает умирать. Фабричные девушки группами и парами выходят "на гулянье" - на тротуары сырой и грязной улицы Ист-Энда. Раздается отрывистый говор и истеричный смех. Зажгли газ.

У входа в кинематограф, где красуется надпись "1 d." (1 пенни), невероятная давка. В толпе преобладают дети, главным образом, мальчики. У всех у них отложные белые воротнички, - правда, подчас весьма черные, - а на головах серые кепки. Руки засунуты в карманы штанов. Губы сложены для свиста. В ожидании очереди они весело насвистывают популярней в Ист-Энде мелодии и вообще ведут себя вполне непринужденно и независимо.

Есть среди них и совсем малыши. Эти ждут открытия дверей, засунув указательный палец в рот и задумчиво глядя куда-то в сторону. Нетерпение обнаруживают только грудные младенцы, которых матери принесли сюда за полной невозможностью оставить их дома. Младенцы жалобно пищат, и иные кричат до хрипоты.

Заветная дверь открылась. Три четверти огромного зала заполнила детвора. Задребезжал рояль; на верхушке экрана замелькали ступни чьих-то ног; потом ноги исчезли, и, наконец, вся дрожащая и волнующаяся, как студень, картина заняла свое настоящее место – во всю длину и ширину Экрана.

Действие картины происходит в джунглях... О, дети знают и любят джунгли и ждут от этой картины много интересного.

Среди невысоких зарослей стоит избушка. В ней живут старик и старуха с молодой дочерью, а также их работник. Работник и дочь влюблены друг в друга. Но приезжает какой-то богатый всадник в пробковом шлеме и просит руки молодой девушки. Узнав от девушки о ее любви к другому, благородный всадник ставит ногу в стремя, заносит над седлом другую ногу – и через мгновение скрывается в далеких зарослях.

Вослед исчезнувшему всаднику раздается гром бурных аплодисментов со скамей детвора. Мне кажется, это – единственный кинематограф в Лондоне, где в обычай введены аплодисменты.

Молодые люди, что на экране, поженились. Живут своим домком, правда, не совсем тихо и уютно: среди тигров, львов, диких кабанов и прочих милых соседей.

Как в мелкой речке в ясный день мелькает рыбешка, так в глубине зарослей то и дело шныряют тени свирепых животных. Дети встречают и провожают их дружным ликованием.

Итак, "молодые" живут припеваючи. Но вот к ним приезжает тот же самый всадник в пробковом шлеме и по праву старого друга целует молодую женщину. Ревнивый муж ее хватается ружье и убегает в джунгли. На детских скамьях кинематографа – неописуемое волнение... Ведь подумать только, из-за чего хорошие люди могут иногда поссориться!

В результате молодая жена уезжает к родителям. В хижину забираются львы и устраивают там свое логовище. А господин в пробковом шлеме отправляется на поиски оскорбленного мужа.

Вот они встречаются и мирятся.

Подготовленный предыдущими аплодисментами, я жду в этот миг самых бурных кликов восторга. И, действительно, в зале стоит буря, которую может заглушить только грохот проходящего наверху поезда.

Одно только не вполне ясно для меня. К кому или к чему относятся аплодисменты этих восторженных зрителей? К директору, поставившему хорошие картины? Или к актерам, исполняющим свои роли для кинематографической ленты? О нет! Эти аплодисменты непосредственно приветствуют высокие человеческие добродетели и достоинства: великодушие, благородство, бескорыстие, самопожертвование, смелость...

Но гаснет последняя картина бесконечной воскресной программы. На экране ярко вспыхивает марка кинематографической фирмы – петух. Веселая аудитория отвечает дружным "кукареку!".

Зажигают огни. Представление окончено и будет еще повторено раз пять или шесть в течение одного дня. Взрослые зрители уходят, но на детских скамьях подымается бунт. Мальчишки не желают уходить. Служители гонят их со скамей, но они, обещав весь зал, с гулом и свистом возвращаются к своим насиженным местам.

Английские уличные дети – свободный и независимый народ. На улицах им не воспрещено петь, свистать, гикать, надевать причудливо-раскрашенные маски и даже драться. В компании своих товарищей каждый из них совершенно неукротим и бесстрашен. В одиночку же несколько другое дело. Вероятно, родительские побои

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
приучили детей Ист-Энда внезапно вздрагивать и судорожно заслоняться рукой в ответ на неожиданный вопрос, обращенный к ним случайным прохожим.

Но под железнодорожным мостом они были представлены в огромном количестве. Поэтому они решили не сдаваться.

Раздались голоса:

- Билль, не уходи!
- Сюда, Том!
- Назад, Джимми!

Служители, очевидно, никогда не служившие в войсках и не участвовавшие в усмирении индийских восстаний, совершенно растерялись. В зале появился блестящий цилиндр директора. Узнав, в чем дело, он обратился к бунтовщикам с успокоительной речью.

- Господа, вы же видели все обещанные картины. Зачем же вам видеть их еще раз?..
- А впрочем, оставайтесь! - добавил он, махнув рукой.

Дети победили.

И опять на экране замелькали заросли, львы, тигры, Замки, дворцы, мраморные лестницы и колоннады - и многое другое, столь далекое от мрачной и тусклой жизни в беднейших кварталах Ист-Энда.

В полумраке несколько мальчиков встали и уныло поплелись к выходу,

- Билль!
- Джо!

Это взрослые явились сюда за детьми. На улице было тихо. Туман и сырость рано разогнали воскресную толпу.

НА ДЕТСКОЙ ВЫСТАВКЕ

Письмо из Лондона

Только две недели длилась детская выставка, помешавшаяся в огромном дворце выставок и грандиозных театральных представлений - в Олимпии.

По своим задачам и предварительно намечавшимся планам эта выставка должна была быть беспримерной. Называлась она: "Childrens welfare Exhibition" - "Выставка детского благосостояния". Она должна была энциклопедически вместить в себя все то, что прямо или косвенно относится к жизни и благополучию ребенка. Идея такой выставки могла зародиться только в стране, где так сильны устои семьи и любви к детям, в стране Чарльза Диккенса.

Как первый опыт в подобном роде, выставка не могла оправдать всех пламенных, возлагавшихся на нее надежд. Знаменитый "детский этаж", о котором столько писали и который должен был представить нам ряд идеальных детских комнат (комнату для мальчиков, для девочек, школьную комнату и т. д.), оказался выставкой какой-то мебельной фирмы - вроде тех, что красуются за цельными стеклами в Сити. Нового в обстановке детской было мало. Разве только то, что без особой роскоши и прихоти можно устроить уютную детскую с ситцевыми занавесочками, некрашеной мебелью и т. д.

Огорчило (особенно нас, русских) одно обстоятельство: подчеркнуто коммерческий характер выставки. Каждая лекция, читавшаяся там, каждое развлечение для детей требовало особой платы - традиционного "сикспенса" (24 коп.).

Одна русская дама - бывшая бестужевка {1} и учительница - написала организаторам выставки горячее письмо, предлагая свои безвозмездные услуги и помощь прекрасному идейному делу. Организаторы ответили ей выражением живейшей

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru признательности, но в тоне письма можно было уловить некоторое недоумение по поводу такой самоотверженности и идеализма русской дамы.

Но как бы то ни было, ни один родитель не ушел с выставки, не запомнив какой-нибудь новой детали по оборудованию детской, каких-нибудь новых черт детского воспитания – из области гимнастики, музыки, детских танцев. Великолепно были представлены на выставке детское творчество и самодеятельность.

Вот "бойскауты" за работой. "Бойскауты", как, вероятно, известно читателю, – военно-спортивная организация мальчиков. Дети готовятся к разведочной службе в войске, а также к обязанностям "братьев милосердия" на войне, но вместе с тем обучаются ремеслам и различным видам труда. На выставке им было отведено большое отгороженное место, устланное зеленью, в виде летней лужайки. Среди нее были разбиты походные палатки, походная кухня, находился маленький лазарет с фургонами Красного Креста. Мальчики провели на выставке целых две недели, демонстрируя перед публикой свои спортивные упражнения, приемы первой медицинской помощи, а также трудясь с утра до вечера в качестве кузнецов, плотников, сапожников, портных, поваров, фотографов, монтеров и т. д.

А за их оградой то и дело пробегал маленький паровоз, тащивший за собой много платформ-скамеечек с пассажирами-детьми. Поезд останавливался в конце зала, у миниатюрной станции. Там машинист, взрослый человек, слезал с передней платформы, открывал крышку сундука с углем и, насыпав лопаткой в печку "паровоза" порцию угля, подавал гудок, и поезд мчался дальше.

Казалось, что лагерь "бойскаутов" в самом деле находится где-то среди полей, где пробегают поезда.

Такой же лагерь устроила организация девушек – будущих сестер милосердия и поварих при войске – "герлгайд".

Видное место на выставке было предоставлено детским рисункам, специально изготовленным детьми для выставочного конкурса. Но была там и отдельная выставка двенадцатилетней художницы Дафнэ Аллен. Акварельные рисунки на евангельские темы отличаются у нее удивительной гармонией и мягкостью. Есть странные фантазии: "духи ветра", "духи бури" (темная волна выносит груды странных, смутно мелькающих младенцев). Имеется у нее один пейзаж реки под мостом, в котором поразительно много порыва и движения; называется этот пейзаж: "Реки спешат к морю".

Было на выставке и творчество взрослых. Но это творчество говорило очень много детскому воображению. Детская писательница м-с Несбит воздвигла на большом столе у себя в павильоне целый "Волшебный город" – "The Magic City". Озаренный изнутри красными фонариками, город производил, в самом деле, фантастическое впечатление. Вдали высились греческие белые колоннады, египетские обелиски, индусские пагоды, соборы, мечети и здания неизвестного стиля с бронзовыми слонами на крышах... От смешения стилей "город" нисколько не проигрывал в своей цельности и даже "стильности". Но диковиннее всего было то, что строительными материалами для этого го" рода послужили следующие предметы: подсвечники, книжки в переплетах, письменные приборы, медные крышки от чернильниц, лото, домино, шахматы, шашки, свинцовая бумага, бронзовые фигурки с "папиного стола" (вот откуда взялись слоны, лошади и собаки!), фарфоровые фигурки из гостиной и т. д.

Конечно, для того чтобы по примеру г-жи Несбит лостроить такой "волшебный город", ребенку пришлось бы ограбить до нитки дом своих родителей!.. Кстати, некая дама (кажется, из фребелевской школы) {2} демонстрировала на этой же выставке те незатейливые предметы, которыми играют бедные дети в Лондоне. Тут было все, начиная от старой подковы и кончая обломком пистолета или куклы. Для того чтобы представить себе эту коллекцию, надо вспомнить знаменитый карман Тома Сойера, со всем его содержимым!

Довольно интересен был на выставке музей кукол. Там были представлены европейские куклы всех времен и народов – в чепцах, капорах, фижах, кринолинах. Китайские куклы: мужчины в желтых балахонах, женщины – в штанах и красных кофтах. Богатые куклы из Индии: красные с золотом чалмы, легкие золотистые шарфы, кольца, браслеты, ожерелья. Кукла из Судана с глазами из жемчуга. Куклы дикарей, куклы Гренландии, закутанные в густые меха, и т. д.

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
Из развлечений главное место на выставке занимали танцы. Общество, задавшееся целью возродить народные танцы в Англии, устроило в Олимпии "пляски на лугу". На широком зеленом ковре кружились бесконечные детские хоромы и парочки в старинных крестьянских нарядах. Гудела единственная скрипка, звучал благодушный плясовой мотив, напоминавший о приволье полей и о тишине деревенского заката.

Единственным мрачным пятном на светлой детской выставке явился павильон общества защиты детей. Общество демонстрировало плети, кнуты, железные прутья, башмаки с гвоздями в подметках, цепи с замками и без замков... Все эти орудия пытки, применявшиеся к детям их озверелыми родителями, фигурировали уже однажды, в качестве вещественных доказательств, на судах в Лондоне.

Очевидно, детское благосостояние и благополучие еще недостаточно обеспечены даже в самых культурных странах Европы.

РОБИНЗОН НАШЕГО ВЕКА

Новый первобытный человек. – Добывание огня. – Ловля

рыбы без удочки. – Захват медведя. – Отношение диких

животных. – Картина, написанная соком ягод

Движение, лозунгом которого является "Simple life" – "простая жизнь"), все сильнее разрастается и здесь, и по другую сторону океана, в Америке. У сторонников и глашатаев его не всегда одни и те же стремления. Иные из них желают оздоровить современное и грядущие поколения, вызвать к жизни спартанский идеал воспитания. Другими руководят идеи Руссо, Толстого, Рескина {1}.

На днях в Лондоне открылась целая выставка простой жизни. Демонстрируются различные виды палаток, образцы простой и гигиенической одежды, всевозможные пищевые продукты и т. д. Наш русский "simple-lifer" Лев Толстой вряд ли когда-либо и думал о возможности и целесообразности подобных выставок. Он и его последователи могли учиться простому укладу жизни у русского крестьянства. Но в Англии крестьян нет. Дети короля, попав в беднейший коттедж, не нашли бы в нем ничего для себя нового. Они увидели бы знакомый им камин со щипцами и лопатками, кресла, зеркала, безделушки, кровати с перинами. Все как во дворце, только значительно похуже сортом. Городская беднота точно так же лезет из кожи вон, имитируя богатых в одежде, пище и развлечениях.

Комфорт изнеживает и расслабляет тело. Несмотря на процветание в Англии спорта и гимнастики, нация заметно слабеет. Больницы и клиники не находят требуемого количества братьев и сестер милосердия для заразных отделений,

Нездоровый и хилый организм, как известно, восприимчив к заразе. Это явление рассматривается в Англии как серьезный и угрожающий симптом.

Среди многочисленных попыток, направленных к возрождению первобытной мощи в современном человечестве, особенностью отличается эксперимент, проделанный американцем-художником не так давно.

Джозеф Ноульс – так зовут этого американца – разделся донага, отдал окружающим его людям спички, нож, кошелек, гребенку, носовой платок и т. д. и отправился в дикие леса на севере штата Мэн. Для первого раза он назначил себе двухмесячный срок и поручился, что в течение этого времени будет находить для себя в лесах пищу, одежду и кров. В результате он вернется в мир первобытно могучим человеком.

Осуществил он свой опыт минувшей осенью – в августе и сентябре 1913 года. Вышедшая на днях его книга – отчет об экспедиции ("Один в пустыне") – вызвала сенсацию по обе стороны океана.

Проникнув в леса, Джозеф Ноульс прежде всего позаботился развести костер. Все в лесу было влажно от дождя, но изобретательный человек добился своего.

Он сделал нечто вроде лука, тетивой для которого явились сплетенные ремешки коры. Посередине тетивы он связал круглую палочку. Нижний конец палочки упирался в кусок древесного корня. Поддерживая верхний конец ее ладонью, Ноульс принялся

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
двигать лук взад и вперед, отчего палочка завертелась на своем основании. В результате долгого трения получилась искра. Ноульс перенес ее на пучок гнилой древесины, найденной в дупле, и кое-как ухитрился раздуть.

Затем следовало позаботиться о жилище. Наш первобытный человек воткнул в землю на известном расстоянии две палки с раздвоенными верхними концами. Поверх их он положил поперечную палку. Скелет его жилища был готов. Прислонив к перекладине ветви и палки, Ноульс получил наклонный навес. Оставалось только покрыть его хвоей, мхом и корой. Точно так же накрыл он промежутки с боков. С передней стороны шалаш остался открытым.

На протяжении всей книги Ноульс поет гимны огню. Поддерживая костер с неусыпным рвением весталки, он не чувствовал ни малейшего холода, На огне он готовил себе пищу. Впрочем, ему случалось питаться и сырыми куропатками.

Огонь заменял Ноульсу топор и пилу. Не будучи в силах волочить какое-нибудь бревно, он разводил под ним костер и пережигал его на две или на четыре части. С помощью огня он утоньшил и округлил дерево, из которого изготовил свое первое оружие – лук.

В первые дни новый Робинзон питался исключительно ягодами. Но в дальнейшем он позаботился о рыбе и мясе. В ближайшем потоке была плотина бобров. Ноульс прорвал ее и понизил уровень воды. На мели он нашел множество форелей. Не желая причинять лишних хлопот трудолюбивым бобрам, он в конце концов не преминул починить плотину.

Затем он расставил западню на медведя. Устроил он ее в виде ямы с падающей крышкой. Находясь в наклонном положении, крышка опиралась на круглую палку, к которой и была прикреплена приманка. Приманка висела так высоко, что медведь, доставая ее, должен был стать на задние лапы. Поверх крышки, насколько позволял ее наклон, были нагромождены камни.

Медведь своевременно явился и очутился под крышкой. Ноульс убил его, позволив ему высунуть голову и ударив дубинкой по носу. Затем содрал с медведя шкуру. Это был долгий и трудный процесс. Ноульс отыскал острый камень и принялся пилить шкуру вдоль одной из задних ног медведя. В конце концов волосатая шкура закурчавилась под острием и была прорвана.

Из всего этого явствует, что Ноульс в отличие от других simple-lifer'ов не был вегетарианцем. Но он всячески подчеркивает свое отвращение к тем приемам убоя животных, к которым принудила его крайняя необходимость.

Значительно большее удовлетворение доставило ему мирное соседство и дружба диких обитателей леса. По его словам, нет ни одного животного в первобытном лесу, которое не пожелало бы завязать дружбу с человеком. Не надо только обнаруживать ни малейшей стремительности и любопытства при встрече с ними. Идите своей дорогой, делайте свое дело, – и животное само придет к вам, движимое любопытством.

Некая лань часто навещала Ноульса вместе со своим детенышем и брала пищу из его рук. Куропатки на ветвях деревьев кокетничали с ним, как молодые дамы. Сердитый чипманк (порода американской белки) однажды яростно подрался с большой красной белкой, приревновав ее к Ноульсу.

Но те же дикие животные каким-то смутным инстинктом отгадывают недобрый замысел со стороны человека. И тогда они способны на борьбу, как, например, лось, или на необыкновенно хитрые уловки (лисица и даже олень).

"Бродя по первобытному лесу, Ноульс в большинстве случаев пользовался тропинками, проложенными зверями. Компасом ему служил мох, который обыкновенно растет на северной стороне деревьев, где больше тени.

В высшей степени интересны пейзажи и сцены лесной жизни, которые Ноульс нарисовал на клочках березовой коры при помощи обугленных палочек. Писал он и красками. Кисти он смастерил из коротких и жестких волос медведя. Волосы он всунул в маленькую вставочку из отрезка пера, залил растопленной смолой и приделал ручку. Красками ему служили ягодный сок и настой коры и корней. Чистый ягодный сок, будучи разбавлен водой, становится прозрачен и превосходно

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
смешивается с глухими тонами коры и корней.

Это была первая в мире картина, написанная соком ягод.

Лесной воздух, тяжелый труд, а главное – не странно ли? – отсутствие регулярности в пище и сне действовали на здоровье Ноульса самым благоприятным образом, что удостоверяется профессором Гарвардского университета, осмотревшим Ноульса до и после эксперимента.

Вернувшись в свой родной город, отважный американец выглядел приблизительно следующим образом.

Его кожа сделалась медно-красной, как у индейца. Волосы были взлохмачены, как и его длинная борода. Верхняя часть его тела была покрыта медвежьей шкурой. Бедрa были обернуты кожей оленя. В руках у него были лук и стрелы, а также нож, сделанный из оленьего рога.

Подводя итоги своей экспедиции, Ноульс призывает людей воспитывать своих детей на воздухе, закалять их тело и дух и не пугать их страшными сказками о лесе.

Дремучий лес темен, но не страшен,

Лондон, 22 апреля (н. ст.)

ШКОЛА ПРОСТОЙ ЖИЗНИ

Брошюра с проспектом "Morkshin School" или "Simple Life School" ("школы простой жизни") появилась около двух лет тому назад. Написана она была, как небольшая поэма, как сказка Оскара Уайльда, и на первый взгляд была полна самых несбыточных мечтаний.

Читателю ее рисовалась идеальная семья воспитателей и воспитанников, объединенных идиллической любовью и бескорыстной дружбой, добывающих все необходимое для жизни трудами собственных рук и отделенных от всего остального мира непроходимыми лесными чащами. Члены этой семьи довольствуются немногими одеждами, едва прикрывающими тело, питаются растительными, невареными продуктами, спят на голой земле. Конечно, при этом имеется оговорка: дети, поступающие в школу, постепенно приучаются к новому режиму.

Упрощение жизненной обстановки, один из главных принципов школы, распространяется не только на подробности домашнего быта, но и на учебные предметы, и на программу детского чтения. С течением времени пред детьми школы должна раскрыться самая содержательная и самая захватывающая из книг: книга природы.

Главной целью подобного "опрошения" было: укрепление духа и тела, приспособление к самым трудным обстоятельствам жизни, а также экономия времени и сил – тех сил, которые обыкновенно тратятся нами на удовлетворение наших – далеко не насущных – потребностей, а могли бы быть потрачены на служение и помощь ближнему.

Все эти идеи проспекта не могли не показаться симпатичными и заслуживающими всякого сочувствия. Но осуществимы ли они в наш век? И притом в какой стране? – в Англии, где и на милю нельзя уйти от автомобильной или железной дороги, в самом центре европейской цивилизации, позитивизма, материализма...

Я посетил "Morkshin School" или "школу простой жизни", на этих днях, то есть через полтора года после ее возникновения.

Я убедился в том, что эта школа, действительно, возникла и существует, и притом ни на йоту не отступила от своей программы и от своих принципов.

В трех часах езды от Лондона, в графстве Hampshire, среди сосновых лесов, одиноко высится красивое двухэтажное здание с садами, огородами, с разбросанными там и здесь палатками.

У арки, увитой красными и белыми розами и отделяющей площадку перед домом от широко и свободно раскинутого сада, встретил меня глава школы – м-р Ойлер. При нервном взгляде на этого человека можно было растеряться от неожиданности

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
впечатления. Я ожидал увидеть истинного англичанина, наделенного дипломом и высокой ученой степенью Оксфордского университета, бывшего некогда чемпионом крикета и, кажется, лаун-тенниса (блестательное отличие англичанина!), а увидел человека с наружностью знатного и благородного араба из Палестины, или, еще лучше сказать, увидел живую копию с Иоанна Крестителя {1}, каким его изобразил Александр Иванов. Рослый, статный, с ниспадающими на плечи темными волосами, с вьющейся темной бородой, с арабским профилем лица, весь окрашенный ровным и навсегда осевшим загаром, покрывающим и большой выпуклый лоб, и стройные ноги, – он, казалось, никогда и не носил другого наряда, чем эта облегающая тело рубашка и короткие штаны до колен.

Радужно провел он меня на поляну сада, где (это было на закате) дети совершали свою вечернюю трапезу. Расположились они порознь, – кто на скамье, кто на траве под отдаленным деревом. В руках у каждого была тарелка, нагруженная доверху листьями салата и капуста, бразильскими орехами, финиками, бананами и т. д. Дети были одеты, как их учитель. Длинные волосы их были перевязаны ленточками или начесаны на лоб. Впрочем, в школе не оказалось на этот счет общего правила, общего фасона: иные из мальчиков были коротко острижены, иные причесаны по-английски, с пробором.

Только у немногих были полные щеки, пухлые руки и ноги. Большинство детей отличалось скорее худощавой, чем полной комплекцией. Но все до одного обнаруживали стройные и мускулистые члены, хорошо расправленные плечи и грудь и отличались тем же ровным и нежным оттенком загара, что и их учитель. Здоровье и сила явственно сказывались в каждом их движении, в каждом взгляде спокойных и уверенных глаз.

Тут были дети всевозможных возрастов. Школа принимает и пятнадцатилетних юношей, и совсем малышей до грудных младенцев включительно и, – можно ли идти еще дальше? – до... родителей, которые являются в школу учиться воспитанию ребенка. Большая часть детей поступила в эту школу после долгих мытарств по другим – заурядным и "образцовым" – школам и, главным образом, вследствие расшатанности здоровья и нервов.

Пока длился школьный ужин, я успел оглядеть овощи на огородах, цветы и молодые деревья в саду, – результаты трудов учителей и учительниц, учеников и учениц. В школе нет разделения труда: девочки работают вместе с мальчиками на огородах и по подрезке деревьев, а мальчики в свою очередь принимают деятельное участие в стирке, которая, кстати сказать, является в школе большим событием. За стиркой обыкновенно ведется оживленная беседа на самые разнообразные темы. Такая "обывательская" беседа, на которую в обыкновенные дни не выпадает достаточного времени, сильно облегчает и взрослым, и детям этот малопривлекательный труд. Учителя и взрослые дети стирают крупное белье; малыши – носовые платочки.

Во время ужина школьный сад навестил добрый приятель детей – кролик Эрнест. Это не прирученный кролик и не домашний, а самый "настоящий", то есть дикий, живущий собственным умом. При школе нет домашних животных – ни собак, ни кошек, которые, по мнению м-ра Ойлера, являются психически искаженными существами. М-р Ойлер и "его" дети были бы гораздо больше рады завязать дружбу со свободными обитателями леса. При добром и неизменно спокойном отношении к этим существам, короткое знакомство с ними осуществимо. Первым наглядным подтверждением правильности этого взгляда явился кролик Эрнест, усвоивший себе привычку посещать школьный сад в закатные часы.

Закат догорел; наступило время сна.

Дети, со свернутыми одеялами в руках, подошли прощаться с м-ром Ойлером и его голубоглазой женой, которую природа одарила золотыми, ниспадающими до земли, волосами.

– Прощай, Питер! Прощай, Эльса! – прощеветала детвора.

После прощаний и поцелуев все они, в своих длинных ночных одеяниях, потянулись к воротам для того, чтобы идти на ночлег в темный, темный лес. Только немногие улеглись под деревьями или в палатках в саду.

Лунной ночью мы прошлись с Питером (м-ром Ойлером) в лес к той отдаленной чаще, где находится место его ночного покоя: это самая передовая позиция в лесу, где

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
учитель спит чутко, как часовой, готовый отозваться на первый зов его питомцев.

В смутном сиянии луны, встававшей из-за сосновых ветвей, мы разглядели по дороге под деревьями маленькие аккуратно сложенные пакетики. Это были ребятишки, спавшие в разных местах без подушек на одном одеяльце, одна половина которого служит им простыней, а другая выполняет свою прямую миссию – одеяла.

Дети м-ра Ойлера не боятся ночной темноты. Впрочем, их маленькие, невозмутимые сердца не доступны никакому чувству страха...

Утром их ожидали обычные занятия, обычная работа. Это – прежде всего работа по дому (после получасового "пробега"), затем – после завтрака работа в саду, чтение, уроки. Гимнастику они проделывают не многосложную, не утомительную. Главные движения ее преподавал им Раймонд Дункан, брат Айседоры {2}.

Если день выдается очень уж пасмурный, с проливным дождем, – дети и учителя сидят в одной из комнат, ткут, прядут, слушают музыку или ведут тихую беседу. В одну из таких бесед Питер рассказывал детям, что у Эльсы через несколько месяцев должен родиться ребенок. Питер просил детей, как преданных друзей своих, пожелать чего-нибудь хорошего этому еще не рожденному младенцу. Дети отнеслись с глубокой серьезностью к просьбе учителя, и каждый по очереди пожелал младенцу таких прекрасных, таких волшебных вещей, каких бы не выдумал никакой мастер сказок, никакой Андерсен...

Лондон, 27 июля (9 августа)

ПРАВЕДНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Предание индийских мусульман.

В Могарам, иди тигровый праздник Индии, среди шумных игр, состязаний и пестрого маскарада тигровых шкур, правоверные не забывают отдать дань одной очень древней традиции. Заключается она в провозглашении проклятия каким-то четырем братьям, чьи имена не известны никому из ныне живущих.

Предание, объясняющее этот обряд, рассказывает, что в незапамятно давние времена на севере Индии жид праведный старец. Умирая, он оставил своим сыновьям, а их было четверо, сады, дома, десятки слонов и сотни верблюдов. Только одного из своих верблюдов он удержал за собой...

Он сказал детям:

– Когда я умру, положите мое тело в простой, узкий ящик. Взвалите его на спину моего верблюда, а на крышку не забудьте положить мой Коран. Верблюда выведите из города до ближайших джунглей. Там проститесь со мною и уходите домой, не оглядываясь.

Сыновья удивились странной воле старика, но перечить не могли. Только младший сын, любимец отца, не удержался и спросил:

– Не собираешься ли ты, отец, предпринять после смерти далекое путешествие? Не хочешь ли ты посетить кабульских купцов, которые давно не возвращают нам денежного долга?

Отец улыбнулся и ответил сыну:

– Да, я собираюсь совершить очень далекое путешествие – через горы, пустыни и леса. На родину пророка, в благочестивую Мекку. Когда выведете верблюда в чащу, поверните его головой в сторону Мекки, а там не тревожьтесь, он сам донесет меня, куда следует.

Сыновья еще больше удивились, но по кончине отца постарались исполнить его волю в точности. Ящик с телом взвалили на верблюда, а на крышку положили Коран, с которым отец не расставался до самой смерти. Верблюда вывели в джунгли и поставили среди густых зарослей – головой в сторону Мекки, как завещал отец.

По очереди они простились с прахом отца и повернулись, чтобы идти в город. Но едва отошли на расстояние нескольких шагов, у всех четырех явилось одновременно

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
настойчивое желание обернуться и поглядеть, на прежнем ли месте стоит верблюд с гробом на спине.

Но священна предсмертная воля отца и страшно его загробное проклятие. Братья остановились, не оглядываясь. Легкий шум раздался позади их: будто ветер перевернул несколько страниц раскрытого Корана.

Младший брат воскликнул:

– Увидите, братья, верблюд не тронется с места! Никто из нас даже не дернул его за повод. Верблюд ленив и не пойдет, пока рука человека не принудит его. Вечером его могут найти недобрые люди и уведут его, оставив на произвол судьбы ящик с телом отца. Вернемся лучше и похороним покойника по обряду правоверных на городском кладбище.

Братья поколебались немного, но все еще не могли решиться нарушить, так дерзко и явно, волю отца. На мгновение им послышался треск раздвигаемого тростника и мерный звон колокольчиков, подвешенных на шею верблюда.

– Давайте оглянемся! – предложил тот же брат, в душе которого невольный страх боролся с неудержимым любопытством. – Если мы совершим грех, пусть падет он на всех нас, четверых, поровну!

– Если мы совершим грех, пусть падет он на всех нас поровну! повторили братья и, не будучи более в состоянии бороться с соблазном, обратили глаза в запретную сторону. И вот что они увидели.

Заросли тростников в чаще раздвинулись, образовав широкую дорогу на Запад. Верблюд свободно шел по этой дороге, как среди степного простора, раскачиваясь и звеня глухими колокольчиками. В открытом ящике сидел отец и, едва качаясь, читал свой Коран.

Зрелище это наполнило сердца братьев небывалым ужасом. Они хотели было отвернуться вновь и бежать домой, что есть мочи, но было уже поздно. Праведный старик приподнялся в ящике по пояс и, нахмутив чело, сказал детям:

– За то, что вы нарушили последнюю волю отца, ваши имена будут отныне произноситься с проклятиями из года в год – в день праздника Могарам.

С тех пор правоверные проклинают четырех братьев в день тигрового праздника. И первым произносят они имя младшего из братьев, который ввел трех старших в великий соблазн.

ПЕСНИ ПОПУГАЯ

У магараджи, царствовавшего в местности Шан, был попугай. Мудрый магараджа и его прекрасная магарани любили эту пеструю птицу больше всего на свете. Это не был крикливый и надоедливый представитель своей породы, подобный тем, которые качались на проволоках в дворцовом саду, отражая в пруде свои яркие или полинявшие от лета перья, толкуя на тысяче непонятных языков.

Любимец магараджи был подарен ему мудрецом-отшельником во дни юности. Главным достоинством попугая было умение петь такие чудесные песни, каких не сочинил бы ни один из придворных певцов.

Магараджа проводил, слушая его, все часы своего досуга, а магарани почти и не расставалась с ним. Песни были полны мудрых наставлений, трогательных и забавных рассказов, пленительных напевов.

Для любимой птицы был водружен во дворце золотой шест с изумрудной перекладиной.

Однажды утром магарани, подойдя к шесту, не нашла птицы на драгоценной перекладине. Окинув взглядом комнату, она увидела, что птица лежит невдалеке от шеста на полу, широко распластав крылья и не шевеля ни единым из своих перьев.

Магарани горько заплакала. Слуги подняли птицу, а придворный врач, оглядев ее, признал мертвой.

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
Но ни магарани, ни властитель Шан не могли и не хотели примириться со смертью любимого попугая. Были приглашены и заклинатели, и чародеи, и фокусники. Никто из них не был в состоянии оживить птицу.

Тогда магарани сказала своему супругу:

– Покойный друг наш был большой любитель пенья и музыки. Позови лучших наших придворных поэтов. Быть может, пением своих стихов им удастся разбудить мертвого попугая.

Оба придворных поэта, Ватсантака и Вальмики, были позваны пред лицо магараджи. По очереди они пропели все свои песни. Но попугай лежал все на том же месте, окоченевший и неподвижный.

Лучший из двух поэтов Вальмики был наделен, помимо дара песен, любящим сердцем, полным чувства сострадания. Ему было известно также переданное ему по наследству его предками удивительное искусство перевоплощения.

Исполнившись жалости к безутешному своему повелителю и прекрасной магарани, Вальмики побегал в одну из отдаленных комнат: дворца и запер за собой дверь на замок.

В тот день его больше не видели, но вскоре после его ухода попугай ожил, встрепенулся и взлетел на свой золотой шест, на свою изумрудную перекладину с той резвостью, какой никто за ним не помнил с самых дней его молодости.

Магарани и магараджа были обрадованы свыше всяких границ. Как произошло чудо воскрешения, они не знали, но они были так благодарны бесследно исчезнувшему Вальмики.

Между тем другой из поэтов, Ватсантака, возгорелся чувством зависти и злобы. Сам он не был одарен дивной способностью перевоплощения, но прекрасно знал о подобном искусстве Вальмики.

Первое, что он предпринял, было разыскать бездыханное тело своего соперника. Ему помогли в этом подкупленные слуги дворца. В уединенной комнате на просторном ложе Вальмики лежал неподвижно, будто спал. С помощью слуг Ватсантака поднял его и тихонько вынес из ворот дворца. Затем он, немедля, предпринял вместе с телом своего врага далекое путешествие: он отправился в селенье, находившееся в другом царстве – где жила семья Вальмики, откуда вышел он сам.

Встретив у дверей дома брата Вальмики, он передал им бездыханное тело и сказал:

– Ваш брат попал в немилость у магараджи Шан и умер в темнице! По милостивый мой повелитель приказал мне отвезти Вальмики на родину, где бы его близкие могли бы совершить над ним надлежащие церемонии.

Тело певца было предано сожжению по обряду, а Ватсантака вернулся во дворец властителя Шан.

Во дворце ему сказали, что за время его отсутствия попугай умирал несколько раз. В течение часов и дней птица бывала неподвижной, пока наконец душа не возвращалась в нее, усталая и тревожная, будто утомленная долгими странствованиями и поисками. Птица билась и трепетала или устало распластывала крылья по мраморному полу.

Но не прошло нескольких дней, как попугай совершенно успокоился, будто забыв свои роковые дни. Ватсантака, который в течение долгого времени не решался подходить к золотому шесту, был бесконечно удивлен, когда птица осталась совершенно безучастной и совершенно равнодушной при его приближении.

Очевидно, душа попугая забыла о своей прежней оболочке. Только пенье ее стало еще прекраснее. До самой своей смерти она пела свои песни, которые составили многочисленные священные томы, известные под именем "Песен попугая".

ОТДЫХ МОРЯКА

Из путевых очерков "По Англии"

Небогатому путнику города английской Ривьеры – Корнуолла в летние месяцы не могут посулить ничего доброго.

Тинтаджель, с его крутыми скалами и развалинами того замка, где прекрасная Изольда в долгие бессонные ночи обвивала руками шею верного пса Годэйна, сетуя на жестокость судьбы и на измену рыцаря Тристана {1}; Тинтаджель, воспетый древними трубадурами, а в позднейшие времена Теннисоном, Суинберном и Вильямом Моррисом {2}, – во дни июля и августа отдается в распоряжение богатых американцев, энергично содействующих повышению цен в местных отелях.

С высот Тинтаджеля, находящегося на берегу Атлантического океана, американцы катят в просторных и бесшумных автомобилях к низкому побережью Ла-Манша, пересекая северо-восточную полосу Корнуолла и стремясь в веселый город Фой.

Фой мало похож на английские города; он больше смахивает на французские курорты. Многоэтажные отели его, вытянувшиеся в ряд, глядят своими вычурными фасадами со множеством балконов на реку Фой, где с утра до вечера дремлют белые паруса, медленно движутся тяжелые пароходы, зашедшие с моря; скользят по поверхности воды, как по суху, беспокойные моторные лодки.

Фой не только "туристский" городок, но и приморский, торговый. В отдаленной части его, выходящей на ту же реку, слоняются или стоят группами разноплеменные матросы, – в синих и темных блузах, в матросских фуражках с лентами всех, цветов, прикрепленными сзади или сбоку, а иногда и без лент. Все эти brave ребята отличаются на берегу каким-то недоумевающим, никчемным видом, будто не знают, куда приклониться. В их толпе нередко попадает высокий, здоровенный негр, приехавший с африканского берега, или маленький, желтокожий, задорно смеющийся "ласкар" {Моряк-индеец (от англ. Lascar).}, завезенный сюда с берегов Индо-Китая.

Придя по торной дороге из Тинтаджеля в Фой и состоя в числе "небогатых туристов", я по неопытности стал искать пристанища во всяких "Ривьерах", "Атлантах" и других великолепных отелях на главной улице. Затем, осведомившись о ценах, я поспешил завернуть в боковые улицы.

По мере отдаления от центра, вывески становились все причудливее и загадочнее. Таким образом, я понемногу докатился до "Головы короля", "Ячменного колоса", "Черной" и "Белой лошади". В этих гостиницах нет того мертвого, ледящего кровь спокойствия, которое царит в "Атлантах" и "Ривьерах". В их нижних этажах неизменно помещается "бар", откуда разносится по всему дому гул сиплых голосов и бестолковый стук пивных кружек. Но и в эти злчные места летом проникает лихорадка цен, вызываемая приездом туристов.

Потеряв всякую надежду на ночлег, я случайно поднял глаза и прочел на одной из вывесок:

"Отдых моряка".

Название показалось мне хотя и не лишенным оригинальности, но ничуть не более многозначительным, чем "Птица в кулаке" или "Парень в синей куртке".

Не успел я перешагнуть порог гостиницы, как меня приветствовало почтительное:

– Чего изволите, сэр? Пожалуйста сюда, сэр!

Высокий джентльмен, в необычайно длинном фраке, со строгим и безжизненным лицом, окаймленным с двух сторон седыми бакенбардами, овладел моим чемоданом.

– Найдется ли у вас для меня комната с постелью?

– Разумеется, сэр. Я полагаю, господин может занять капитанскую каюту, не правда ли, Мери? – обратился он к нестарой женщине, бойкого вида, находившейся на верхних ступеньках лестницы.

– О, да! Кюта капитана сегодня свободна, – ответила женщина.

– Вас не потревожит, сэр, – предупредил меня седовласый джентльмен, если по

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
соседству с вами окажутся матросы? Вы знаете, эти люди, когда входят, сильно стучат сапогами, а иногда поднимаются среди ночи для того, чтобы попасть на пароход.

– Нет, меня это не пугает.

Комната моя оказалась крохотной каморкой. Но по соседству с ней находились еще меньших размеров клетушки без окон. В них не было ничего; кроме кровати, или, вернее, койки. А у меня в комнате было и окно, и столик, и умывальник.

Из окна открывался чудесный вид. На закате залитая розовым сиянием река разукрасилась парусами и флагами. Поблескивая веслами, скользили вереницы лодок.

Но зачем это в конце террасы, примыкающей к нашему дому и далеко вдающейся в реку, водружена высокая мачта? Очевидно, "Отдых моряка" не случайное название гостиницы. Не предназначается ли она специально для моряков? Не принял ли меня почтенный джентльмен за какого-нибудь шкипера или помощника капитана?

На столике оказалась книга в черном тисненном переплете. Развернул Библия. На стенах были развешаны узорные полотенца, на которых вместо обычных пожеланий "спокойной ночи" или "приятных сновидений" были вышиты отрывки молитвенных текстов.

На одном было выведено:

"Да святится имя твое".

На другом:

"Но избави нас от лукавого",

и так далее.

Разглядывая эти надписи, я впервые сообразил, что одна из комнат нижнего этажа, мимо которой я проходил, сильно напоминала молельню. Конечно, для какой же иной цели могли там находиться длинные, во всю комнату, скамьи и маленькое возвышение в виде амвона?

Я вышел исследовать коридор. В каждой из маленьких клетушек, двери которых открывались в коридор, неизменно находилась книга в тисненном переплете. Из окна коридора можно было наблюдать тесную, людную улочку. Среди толпы разноплеменных матросов взгляд мой случайно отыскал седовласого джентльмена, стоявшего на тротуаре. Он вышел на улицу, как был, – путаясь в длинном фраке, без шапки, – и пристал к какой-то группе матросов, видимо, слонявшихся без дела.

– Что же, зайдем, господа, на пятнадцать минут? – услышал я его скрипучий голос.

Матросы что-то пробормотали, рассмеялись и пошли своей дорогой.

Мой хозяин только немного нахмурился и, растерянно обернувшись, тронул за руку молодого черномазого матросика, также проходившего мимо.

– Не зайдете ли вы сюда? – сказал джентльмен, указывая на дверь своего дома. – Вы найдете здесь хорошую постель, сытный ужин и можете принять участие в нашей вечерней молитве.

– Non, non, monsieur! {Нет, нет, господин! (франц.).} – ответил матросик, заметно сконфузившись, и проследовал дальше. Очевидно, и у него были другие планы на вечер.

Мой хозяин пытался было адресоваться к другим морякам, предлагая им свой гостеприимный кров, но точно так же потерпел фиаско. Разочарованный, он воротился домой, в сопровождении единственного негра, высокого и необыкновенно мрачного.

У меня явилось смутное предчувствие, что через несколько минут я услышу размеренные, старческие шаги по лестнице, ведущей в мой этаж. Но я успел заблаговременно забраться к себе в комнату, запереть дверь и улечься в постель,

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
притворяясь спящим. В скором времени я и в самом деле услышал шаги, затем кашель, а спустя минуту костлявая рука постучала в мою дверь.

– Сэр? – вопросительно проговорил мой хозяин.

– Сэр? – более настойчиво заметил он.

– Сэр, у нас начинается вечерняя служба.

В последних словах слышалось уже приказание, если не угроза. Затем те же гулкие, исполненные достоинства и невозмутимого спокойствия шаги снова прозвучали в коридоре и прокатились вниз по лестнице.

Разумеется, я спал; я крепко спал, пока из нижнего этажа доносилось жидкое пение, в котором принимало участие не больше трех голосов (два мужских и один женский), а также во время долгой и монотонной проповеди, урывками долетавшей до меня.

Удостоверившись в том, что служба окончена, я наконец рискнул выглянуть в окно. Негр, провожаемый хозяином, куда-то уходил, несмотря на то, что добросовестно выслушал службу и тем вполне заслужил свой ужин и ночлег. Но недоверчивый африканец, видимо, опасался повторения той же истории, то есть получасового пения и не менее продолжительной проповеди.

Мрачные предчувствия не покидали меня. Мне казалось столь вероятным, что хозяин мой, проводив упрямого негра, немедленно отправится в мою комнату для того, чтобы излить на меня всю свою желчь и всю досаду... Но в прозрачной тишине светлых сумерек я услышал только редкие звуки мирной беседы, доносившейся с террасы. Терраса эта была отгорожена невысоким забором, за которым возвышался соседний дом с балконом. На балконе стояла молодая женщина и, несмотря на дальность расстояния, приветливо беседовала с седовласым проповедником, сидевшим на террасе.

– Он у нас жирный, миссис Браун, очень жирный. Сливками, одними сливками питается, – говорил мой хозяин, а затем, обращаясь, очевидно, к коту, сладко вытягивал:

– Ах ты, Пус! Ах ты, Пусси! Ах, жирный Пус!

– Зачем это вы ему на шею колокольчик привязываете, будто козлу? осведомлялась соседка.

– А для того, чтобы мы знали, когда он в кладовую ходит. Он у нас вор, он у нас мошенник, он у нас лакомка... Давай, Пус, я тебе на хвост бумажку привяжу!

Согласился ли Пус на такую невинную забаву или, подобно матросам с улицы, деликатно отстранил приставаания моего хозяина, – не ведаю. Но джентльмен вовремя отказался от своего намерения, ибо орлиный взор его заметил меня, наблюдавшего эту сцену из окна второго этажа.

Благообразное лицо его снова приняло бесстрастное, безжизненное выражение. Но, помолчав некоторое время и поразмыслив, величавый старик, очевидно, решил не обращать ни малейшего внимания на непрошенного свидетеля его мирных забав. Да и правда, что толку было в человеке, который и без того невысоко ставил его духовный авторитет?

Бедный Пус был пойман, и роковая бумажка была ловко прицеплена к его пушистому хвосту, что привело в великий восторг молодую соседку моего пожилого почтенного хозяина.

Решив, что после этой легкомысленной сцены на террасе я могу безнаказанно пользоваться "Отдыхом моряка" как гостиницей, без необходимости посещать вечерние и утренние службы, – я отправился взглянуть на веселый город Фой. Благо, еще не совсем стемнело.

ЛИФТ

Из очерков "По Англии"

"лифт" не всегда означает подъемную машину. Это слово, употребляемое в смысле существительного, имеет и другое значение.

Усталый путник тянется в жаркий день по пыльной дороге. До ближайшего города с отелями и трактирами очень далеко. Не поспеть к ночи. Проситься в дом к какому-нибудь фермеру – нельзя. Это не в английском обычае. Для бездомных бродяг в Англии, имеются ночлежки – в городах и даже деревнях.

Можно забраться в какой-нибудь одиноко стоящий амбар и переночевать там, но не всякий путник решится на это. В оградах ферм имеются злые собаки. Хозяину может прийти в голову заглянуть в амбар – посмотреть, все ли в порядке. Найдет вас, выгонит среди ночи.

Бредет путник по прямой дороге. И свернуть некуда, и передохнуть негде. Нельзя же растянуться для отдыха тут же, на пыльной дороге. Правда, с обеих сторон дороги стелются зеленые поля, но это частновладельческие участки, отгороженные высокой насыпью, а иногда и колючей изгородью. На долгие мили тянется пыльный путь, замкнутый с двух сторон заборами. Будто не проезжая дорога, а тюремный коридор.

Путник устает и валится на мягкую перину пыли. Становится прохладнее, но зато близятся сумерки. Ничего не поделаешь – надо перескочить через забор и выбрать местечко для ночлега. Ночью может полить дождь; погода в Англии крайне изменчивая и своенравная. Но поспеть ли в ближайший городок, находящийся на расстоянии 10 или 15-ти миль, до наступления темноты?

Усталость и сладкая дремота заглушают чувство тревоги, и путник закрывает глаза.

Вдруг слышит:

- Добрый вечер, сэр! Далеко ли идете?
- Добрый вечер. Я иду в Лонстон.
- А ночевать где думаете, сэр?
- Если не успею в Бодмин, переночую где-нибудь под деревом.

Добрый человек (кто бы он ни был – шофер ли автомобиля, возвращающегося порожняком, или кучер частного экипажа, а то и просто развозчик керосина) сочувственно качает или кивает головой, а затем говорит:

- Я еду в Лифтон; оттуда до Лонстона рукой подать. Если вы хотите, сэр, вы можете иметь "лифт".

Это значит, что добрый человек предлагает вам бесплатный проезд "подъем".

В эту счастливую ночь путник ночует не на поляне под одиноким деревом, а на мягких перинах и под дюжиной одеял в просторном номере "Колоса ржи".

В благодушном и гостеприимном Корнуолле вы всегда можете рассчитывать на "лифт", отправляясь в дальний путь пешком.

В конце июня – в пору жары, мух и наплыва туристов – я бродил по Корнуоллу вместе с моей спутницей.

За заборами, по обе стороны дороги, шел сенокос. Кое-где паслись голые, недавно остриженные овцы, выглядевшие, как тихие и кроткие девушки после тифа.

О недавней стрижке овец говорили нам и бесконечные возы, нагруженные доверху мягкой шерстью всевозможных оттенков.

Мы пришли в Тинтаджель, прославленный балладами, воспевающими короля Артура и рыцарей "Круглого стола". Нам не удалось покинуть высокое и скалистое побережье Атлантического океана в заранее намеченный срок.

От старинного замка сохранились только груды камней. Несколько грудок на том

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
месте, где были ворота замка и угловые башни. Но по какому-то чудесному совпадению сохранились (хотя бы в виде смутного очерка) некоторые из наиболее характерных черт замка: круглый свод ворот, не^

сколько углов и выступов. Все это призрачно и хрупко. Кажется, что жидкие груды камней вот-вот рассыплются.

Но в самой непрочности и хрупкости тинтаджельских развалин заключается немало очарования. Когда воображение сопоставляет их с мощным образом древнего замка, в стенах которого находили приют и защиту лукавый король Марк, недостойный супруг Изольды, сэр Тристан и другие рыцари, – душу охватывают грусть и умиление.

Замок рухнул, но картины окружающей природы уцелели. Прочны и массивно тяжелы круглые скалы Тинтаджеля, вдающиеся в океан.

Покинули мы обаятельные тинтаджельские руины не утром, как собирались, а после полудня. Ближайший пункт нашего маршрута находился на расстоянии 20 миль. Мы говорили себе: пройдем 10 миль до Бодмина, там отдохнем, а к ночи будем у Ла-Манша.

Мы долго карабкались, взбираясь на крутые склоны гор поблизости от Тинтаджеля. Солнце было высоко и роняло на нас свои отвесные лучи. Зато мы сократили путь и снова очутились на пыльной проезжей дороге.

– Сэр! – раздалось за нами.

С нами поравнялась белая лошадь со щегольским экипажем. Грум сидел на облучке, небрежно развалившись и сбив котелок на затылок. Неизвестно, почему его лошадь бежала так быстро: вожжи не были натянуты, а кнут торчал на своем месте.

Кучер лукаво подмигнул, причем его красное и давно не бритое лицо изобразило улыбку. Он сказал нам:

– В Камельфорд идете? На станцию? Я могу предложить вам лифт, если пожелаете.

Мы сели.

Нам было отчасти совестно ставить свои пыльные ноги на чистенький коврик щегольского экипажа. Но с этим ничего нельзя было поделать.

Посадив седоков, кучер неожиданно преобразился. Потянул свой котелок с затылка на лоб. Сел прямо, подобрал вожжи и даже потряс в воздухе длинным бичом. Лошадь, не нуждавшаяся в понукании, побежала быстрее.

– Халло, Том Пукер! – приветствовал нашего кучера встречный шофер.

Но Том Пукер не удостоил его ответом – только сдержанно кивнул.

Можно было подумать, что он везет не путников, воспользовавшихся "лифтом", а владельцев своего щегольского экипажа или, по меньшей мере, богатых американцев-туристов. Так серьезен и важен он стал.

Мне часто случалось видеть джентльменов типа Тома Пукера, пляшущих и хлопающих от холода в ладони у подъездов станций или гостиниц. В большинстве это – короткие и плотные люди, добродушные, нетрезвые, небритые. Танцуя вокруг своих карет и экипажей в ожидании седока, они непрестанно и скороговоркой болтают, как сороки.

Но Том Пукер был молчалив, как сфинкс.

– Много ли у вас бывает туристов? – спросил я нашего благодетеля.

– Много, сэр, в этом месяце много, – ответил Том и замолчал.

– Что, американцы? – осведомился я снова.

– Много американцев, сэр.

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru

- У американцев говорят с очень странным акцентом. Не правда ли? заметила моя дама.

Том Пукер обернулся к нам, и в "веселых глазах" его зажегся юмористический огонек.

- С очень, очень странным акцентом, мэм (мэдэм). Вы совершенно правы.

Подождав с минуту, он добавил:

- Они говорят сильно в нос, мэм.

Для пояснения он издал несколько соответствующих носовых звуков.

Это нас рассмешило. Том Пукер окончательно оживился.

- У них выходит как-то "Амарэка", "Амарэкан". Очень странно, мэм. Мы много их возим, сэр. Очень хорошо платят, но любят хорошую езду. За двадцать лет я научился подражать их говору. Мне случается часто разговаривать с ними. Часто случается, сэр, - Том Пукер щелкнул в воздухе бичом, что испугало не столько нашу лошадь, сколько проходившую по дороге корову. Корова взлезла передними ногами на зеленую изгородь, а Том продолжал:

- Видите ли, сэр, мы, кучера, никогда не заговариваем первые. Иной раз скажешь что-нибудь седоку, а ему это покажется глупым. Да некоторые седоки вовсе и не желают разговаривать. Мы знаем, как обращаться с седоками, сэр.

Ни один порядочный кучер не заговорит с седоком первый. Седок спросит: какова у вас здесь погода? Ответишь: тепло и сухо, сэр. И замолчишь. Никто из нас не ввязывается в разговор первый. Иному седоку наша речь может показаться глупой...

Эта тема так полюбилась Тому, что он продолжал развивать ее до самого Камельфорда.

Том Пукер был и в самом деле порядочным и благовоспитанным кучером. Но не все его коллеги отличались одинаковым джентльменством.

Тощий и угреватый малый, поравнявшись с нами, закричал нам со своей линейки:

- Откуда, Том? Сколько взял?

Очевидно, малый догадывался, что мы только "лифт", а не платные седоки.

Том не ответил и еще больше приосанился. Стремительно обернувшись, он спросил нас:

- Прикажете ехать быстрее, сэр?

У маленькой Камельфордской станции, терявшейся в стороне от необъятно широкого полотна железной дороги, мы очутились в веренице других экипажей и автомобилей. Том подъехал к вокзалу, соскочил с козел и ловко помог нам выбраться из экипажа.

Прощаясь с нами, он громко и явственно произнес:

- Благодарю вас, сэр. Доброй ночи! Счастливого пути!

Благодарить нас ему было решительно не за что. Благодарить должны были мы. Если небо хочет облагодетельствовать путника, оно должно послать ему вдогонку какого-нибудь Тома Пукера с его "лифтом".

Но у путника будет долго гудеть и жужжать в ушах от сорочьей болтовни неугомонного возницы.

Лондон

РЫБАКИ ПОЛПЕРРО

Очерк

1

Маленький, открытый дилижанс возит кочевников нашего века – туристов от одного живописного уголка Корнуолла до другого. Несмотря на тесноту, в нем помещается десятка два совершенно одинаковых джентльменов и леди, а на крыше высится целая гора однообразных чемоданов.

Но тот крошечный омнибус, который направляется из городка Фой в деревушку Полперро, отличается, помимо своей тесноты, необычным характером багажа на крыше: тут все больше походные мольтберты, разных размеров палитры и трубки непечатых холстов. Можно подумать, эмигрирует некая академия художеств.

Художники едут на этюды, как и полагается художникам. В летние месяцы причудливая, единственная в Корнуолле да и во всей Англии деревушка привлекает множество художественной молодежи со всех концов страны. Пусть каждый уголок деревушки, каждое причудливое крылечко, фасад, переулочек давно нарисованы и перерисованы, – у юных художников всегда найдется достаточно интереса и терпения для того, чтобы выискать какой-нибудь еще не нарисованный косяк дома или некий балкончик на четырех столбах, который принял свой живописный вид только в последние дни: с тех пор, как пошатнулся.

Направляясь в Полперро пешком, я равнодушно поглядел на переполненный омнибус, с которым мне было по пути, да не по (карману, и пошел своей дорогой. Иные чувства проявили те несколько джентльменов, которым не удалось заблаговременно раздобыть места в этом Ноевом ковчеге. Одни из них принуждены были остаться в городе, другие сделались моими невольными спутниками.

На половине дороги меня ждал крутой спуск к морю. Полперро лежит в глубокой долине по соседству с маленькой бухтой Ла-Манша. Издали веет запахом сырости, а над головой носятся вереницы чаек, указывающие путь к морю.

Спускаясь к низинам Полперро, как-то неожиданно оставляешь просторы сельской и пастушеской Англии и попадаешь в совершенно иной мир – в какую-то итальянскую рыбацкую деревушку или в нашу Балаклаву.

Там, наверху, по сторонам проезжей дороги, идет сенокос. В огороженных участках полей нагружаются и медленно поворачивают к выходу неуклюжие возы с сеном. Загорелые ребята в блузах, вправленных в брюки, в широкополых шляпах лениво работают вилами и тянут между делом несвязную, монотонную, как жужжание шмелей в знойный день, беседу. А едва только солнце начинает клониться к закату, по дороге грохочут нескладные, старинного типа велосипеды, на которых, пригнувшись и энергично действуя педалями, катят по домам те же загорелые ребята, сельские рабочие Корнуолла.

В других местах, где нет сенокоса, происходит стрижка овец – страда пастушеской Англии. Среди нескольких зданий, примыкающих к какой-нибудь ферме, центром оживления и деятельности является неглубокий погреб, открытый со стороны проезжей дороги. В тени и прохладе трое-четверо молодых, оседлав по мохнатой овце, стригут ее чистую, волнистую шерсть. Из-под искусных длинных ножиц падают на землю пышные складки нераспадающейся мантии и выступает темная, голая, покрытая полосами и пятнами спина овцы.

Но в той глубокой котловине, где лежит рыбацье селенье, люди не сеют, не жнут и не собирают пышных волокон овечьей шерсти. В кривых улочках и на базаре веет нестерпимым запахом сырой рыбы. Сутулые рыбаки в своих "кожах" (клеенчатых штанах), промокшие и просоленные до костей, потрошат свой улов, ловко отделяя и отбрасывая в сторону головы и внутренности крупной рыбы. Тощие собаки с длинными и узкими мордами, какие-то воистину "орывившиеся" четвероногие, кротко ждут своей доли добычи. Менее спокойно ведут себя другого рода попрошайки – морские птицы. Чайка доверчиво разгуливает подле группы рыбаков. Но вот она снимается с места, будто внезапно чем-то разобиженная, и с визгом и плачем уносится вдаль – по направлению к морю.

2

Для того чтобы основательно осмотреть деревушку и даже коротко познакомиться с ней, довольно одного часа. Размеры ее весьма ограниченные. К тому же деревня

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
привыкла "сама себя показывать" приезжим людям.

В синей вязаной куртке, покуривая короткую трубочку, греется на солнце один из патриархов деревни, Том Джолиф. Стоит только единому туристу посетить селенье, как старый Том вылезает из своей конуры и считает долгом патриотизма продемонстрировать пред новым лицом "тип старого Полперро". Его чистое, в юмористических морщинках, лицо с бритой верхней губой и снегом окладистой бороды, можно увидеть на бесчисленных открытках, продающихся в любой лавчонке Полперро, и на десятках холстов, ежегодно выставляемых в Королевской Академии в Лондоне.

Нищий инвалид, ласково жмурящийся на пороге своей лачуги, – не единственный представитель Полперро древних лет. На берегу широкого бассейна, занимающего целую площадь в центре деревушки и называемого рыбным базаром, в ряду каменных, давно не штукатуренных домиков выдается деревянная пристройка – закрытый с трех сторон балкончик с крутой лестницей. Там неизменно сидит другой из "патриархов" деревни, слишком богатый и независимый для того, чтобы служить любопытным образчиком старого Полперро. С высоты второго этажа он снисходительно поглядывает на публику на тротуаре или читает газету. Жена его, сморщенная старушка в платке поверх белого чепца и широком переднике, тесно стянутом у пояса, сидит на ступеньке своей лестницы и чинит вязаную рубаху,

С действительными рыбаками селенья, не инвалидами, трудно познакомиться в один день. Иные из них на море, иные отдыхают после ночной ловли по своим домам. Зато художники, живущие в Полперро месяцами, успевают быстро примелькаться новому лицу. Одна и та же девица-художница в густо измазанном красками переднике, но без малейшей краски в лице, просиживает с утра до ночи у поворота в какой-нибудь тесный переулочек, где прячется мелководная речка с перекинутым в отдалении ветхим мостиком.

Как бы ни бранили старые рыбаки Полперро наших дней, приезжие туристы и художники ничуть не приручили и не испортили коренного населения деревни. Рыбаки живут своим миром. Отчаливают, поднимают паруса, вытягивают на берег мокрые сети. На закате молодежь и пожилые рыбаки – двумя отдельными группами – располагаются на крутом берегу полукруглой бухты, где покачиваются, будто связанные между собой, рыбацьи суда с длинными и тонкими мачтами.

Строгие нравы господствуют в Полперро.

На лавочке у одного из домов селенья можно увидеть в ясное утро или на закате трех девиц, трех темноволосых и густо-румяных красавиц. Дом их – не груда камней с подслеповатыми окошками под самой крышей, а правильное двухэтажное здание с большими окнами. Посередине переднего фасада расположены широкие, гостеприимные ворота, за которыми открывается внутренний дворик, разубранный клумбами цветов.

Не один молодой рыбак, проходя, оглядывается на трех девиц и на пышный дворец их родителя, но и не подумает остановиться и заговорить с красавицами. А девицы не отрывают глаз от синих джерси, которые они старательно вяжут для отца, для братьев. Бог весть для кого...

3

"Три макрели".

Маленькая вывеска качается от морского ветра у входа в местный отель или трактир. Эта лачуга – прекрасная модель для этюдов "старого Полперро", но мало приспособлена для целей жилья, хотя бы временного. На вывеске нарисованы три рыбины, три макрели. Это и есть название отеля. Физиономия хозяина, мистера Спарго, на вывеске не нарисована и, в отступление от изобразительного метода, обозначена только его фамилия.

Но вот и он сам, толстый, с большими челюстями акулы, с лицом в шрамах. Мистер Спарго – человек не рыбацкого звания и вида; вероятнее всего, пират, избравший на старости лет надежную профессию кабатчика.

В баре у него сидят двое-трое рыбаков самого беспутного вида. Остальная публика – приезжая.

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
Рыбаки, сидящие в баре, встречают новоприбывшего гостя куда приветливее, чем хозяин трактира. Не успеет он перешагнуть порог, как старый рыбак с красным лицом и загорелой шеей моряка уже спешит заказать два стакана мутного, зеленоватого пива – для себя и для гостя. А тупот лица девушка, прислуживающая в баре, в течение нескольких минут переводит взгляд с рыбака на гостя и обратно и затем недоуменно спрашивает:

– Кто из вас платит?

Платит, конечно, не рыбак. Но если гость оказывается человеком необщительным или недостаточно щедрым, оба стакана убираются на дальнюю полку.

Старый рыбак и в таком случае не унывает. Он один и поддерживает беседу в баре.

– Нет, Полперро не то, что было, – говорит он, горестно вздыхая. Мы, старики, в наше время не торчали в деревне из года в год, мы уходили в Плимут, поступали на службу к его величеству – или к какой-нибудь компании. Я-то сам плавал и под нашим флагом, и под американским, и на торговых судах. Я знаю, каково служить. А ты, Чарли, на службу больше не собираешься?

Чарли, молодой рыбак, тяжело облокотившийся на стойку, нехотя отвечает:

– Успею.

– Ждешь, пока отец умрет? Он у тебя крепкий старик, сдастся не скоро.

У стройного, изворотливого в движениях Чарли – так же резко выраженный тип пирата, как и у Спарго. Только глаза его не бегают мошенническим образом, а смотрят нагло и в упор.

Я обращаюсь к нему за своим делом. Хочу отправиться с ним на ловлю ночью.

– Сколько возьмете с меня?

– На этот счет мы сговоримся, сэр. Фунт, полтора.

– Трех "боб" {шиллинг (от англ. "bob").} будет достаточно. Не так ли?

– Да, мы сойдемся, – неожиданно соглашается Чарли и, наклоняясь к моему уху, шепчет: – Только не говорите о деньгах при отце. Мы с ним вдвоем едем.

– Холодно будет, сэр, ночью, – вставляет свое замечание пьяный рыбак. Бренди с собой захватите да ноги я газетную бумагу заверните, когда поедете.

– Странные вещи творятся в Полперро нынче, – продолжает он, неожиданно оставляя меня в покое и принимаясь опять за свою излюбленную тему. Подумайте, сэр, – "новые старые дома" строить начали.

– Как так "новые старые"?

– Это я старый дом строю, сэр, – замечает коренастый краббер (ловец краббов), мужчина добродушного вида с окладистой бородой. Он зашел к Спарго только на миг – промочить горло. – Видите ли, сэр. Дом строится у меня новый, но так, чтобы чуточку походил на старый. У меня приезжие господа останавливаться будут, а они это любят.

– Фасад грязноватый, – поясняет старый рыбак, – крылечко покосившееся слегка. На лестнице ступеньку-другую пропустить можно. Обходится дешевле, а приезжим господам нравится.

Рыбаки и крабберы сдержанно смеются.

Только у трезвой группы рыбаков, недавно заглянувшей в трактир, идут разговоры на деловые темы. Вполголоса они толкуют между собой о тучах на небосклоне, о перемене ветра и о мерланах, которые пройдут пред рассветом стаей...

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
В назначенный час я нашел Чарли на берегу. Только его огонек светился на пристани; другие рыбаки еще не собрались. Молодой рыбак был еще под влиянием дневного хмеля. При свете сонного огонька он долго и нетерпеливо распутывал "line", осмоленную и довольно толстую веревку, с которой охотятся на ротозеев-мерланов. Приготовил и удочку, предназначавшуюся для более шустрой и наблюдательной рыбки, макрелей. Занятый делом, Чарли не сразу откликнулся на голос отца, который привел свою лодку к концу мола и оттуда звал сына.

В тумане лунной ночи мы осторожно пробираемся сквозь тесные ряды спящих лодок и, отталкиваясь от них, покидаем бухту.

Отъехав немного, Чарли и старик принялись подымать парус.

– Я в Плимут собираюсь на днях, – нарушил молчание Чарли. – Тут вы агента подговорили не брать меня на службу, а в Плимуте меня возьмут.

Старик ничего не ответил на неожиданное заявление сына и только обратился ко мне:

– Поберегитесь, сэр. Я перебрасываю парус.

– А если не возьмут, я в Фой пойду – в лодочники, – продолжал неугомонный Чарли.
– Меня лодочник из Фоя звал – вчера в "Макрелях".

– Не болтай лишнего, малый. Да приготовь приманку, смотри – хватит ли ее у тебя? А то опять придется макрелей на приманку крошить... Вот здесь мы якорь кинем.

– Каким образом вы узнаете места? – спросил я у старика, видя, что он высматривает для остановки определенный пункт.

– А у нас есть старинные меты. Слева на берегу дерево, справа дом, да маяк в море. Таких мет у нас множество. Еще предками установлены.

И дом и дерево были почти неразличимы в сумраке. Только маяк светился где-то, как неясная, низкая звездочка. Но зоркий взгляд старика отыскал привычные меты.

Подняли тяжелый, заржавелый якорь и швырнули его в темную глубину. Зыбкое суденышко закачалось, но приросло к месту так же надежно, как большой корабль, ставший на якорь. Через несколько мгновений выбросили "лайн" и стали вытаскивать белых мерланов – сначала одного за другим, а потом реже.

Хмельному Чарли не везло. Рыба поминутно срывалась у него, и он ворчал. Старик удил молча, но зато чаще перебрасывал трепещущую рыбу в ведро, стоявшее на конце у Чарли. Порой рыба падала на дно лодки и, очнувшись, металась от кормы до середины.

– Отец! – снова начал Чарли, забыв про ужение. – Если вы не отпустите меня, я убегу. Как-нибудь, когда буду один в лодке, я поеду через пролив к французским рыбакам.

– К французским рыбакам? – грозно переспросил старик. Сумасбродная идея Чарли нарушила наконец его душевное равновесие.

В эту самую минуту неудачливая полуаршинная рыбина с огромной головой и чудовищной пастью, сродни акулам, проглотила его крючок. Эту рыбу, называемую по-английски "dog-fish" (собака-рыба), рыбаки в пищу не употребляют, но и не выбрасывают в море живой, так как считают ее вредной хищницей, пожирающей множество мелкой рыбешки.

Старик схватил ее за хвост и с яростью ударил о борт лодки. Длинное, узкое туловище "собаки-рыбы" изогнулось и застыло в мучительном напряжении. Старик взглянул на нее, когда она снова вытянулась и стала в его руках прямой, как палка, – и хлопнул о борт.

Затем перебросил ее, всю окровавленную, но еще живую, сыну.

– Режь на приманку, когда вся выйдет. Все же лучше, чем крошить макрелей.

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
Понемногу стало светать, хотя солнце появилось еще не скоро. Наконец просветлели и нежно окрасились волны, и жадные чайки, кружившиеся до того над нашей лодкой, успокоились и закачались на волнах.

Только изредка одна из белых птиц подымалась над волной, сжимая лапки и летя в неизвестном направлении с голодным, печальным криком. Иногда ей удавалось схватить что-нибудь перед полетом – какой-нибудь кровавый остаток от dog-fish, выкинутый за борт, – и тогда в пронзительных криках птицы слышалось торжество.

Рыбаки удили до полудня.

В знойные часы на море было тихо и безветренно; тише, чем на рассвете. Чайки – все до единой – исчезли с нашего горизонта. Старик и Чарли прекратили ловлю и застыли, каждый на своем конце лодки, ожидая ветра или попросту отдыхая после девяти часов однообразного труда.

Чарли низко наклонил голову, отяжелевшую от вчерашнего хмеля, бессонницы и сумасбродных ночных дум. Быть может, ему все еще мерещились французские рыбаки, о которых он говорил ночью, или беспечные флотилии лодок с флагами и музыкой в веселом городке Фой.

Старик, сонно мигая покрасневшими веками, смотрел в сторону берега, и на лице его отражалась какая-то давняя, тяжкая забота.

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

Славянская сказка

Знаешь ли ты, сколько месяцев в году?

Двенадцать.

А как их зовут?

Январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь.

Только окончится один месяц, сразу же начинается другой. И ни разу еще не бывало так, чтобы февраль пришел раньше, чем уйдет январь, а май обогнал бы апрель.

Месяцы идут один за другим и никогда не встречаются.

Но люди рассказывают, будто в горной стране Богемии была девочка, которая видела все двенадцать месяцев сразу.

Как же это случилось?

А вот как.

В одной маленькой деревушке жила злая и скупая женщина с дочкой и падчерицей. Дочку она любила, а падчерица ничем ей не могла угодить. Что ни сделает падчерица – все не так, как ни повернется – все не в ту сторону.

Дочка по целым дням на перине валялась да пряники ела, а падчерице с утра до ночи и присесть некогда было: то воды натаскай, то хворосту из лесу привези, то белье на речке выполощи, то грядки в огороде выполи.

Звала она и зимний холод, и летний зной, и весенний ветер, и осенний дождь. Потому-то, может, и довелось ей однажды увидеть все двенадцать месяцев разом.

Была зима. Шел январь месяц. Снегу намело столько, что от дверей его приходилось отгрести лопатами, а в лесу на горе деревья стояли по пояс в сугробах и даже качаться не могли, когда на них налетал ветер.

Люди сидели в домах и топили печки.

В такую-то пору, под вечер, злая мачеха приоткрыла дверь, поглядела, как метет вьюга, а потом вернулась к теплой печке и сказала падчерице:

– Сходила бы ты в лес да набрала там подснежников. Завтра сестрица твоя именинница.

Посмотрела на мачеху девочка: шутит она или вправду посылает ее в лес? Страшно теперь в лесу! Да и какие среди зимы подснежники? Раньше марта месяца они и не появятся на свет, сколько их ни ищи. Только пропадешь в лесу, увязнешь в сугробах.

А сестра говорит ей:

– Если и пропадешь, так плакать о тебе никто не станет! Ступай да без цветов не возвращайся. Вот тебе корзинка.

Заплакала девочка, закуталась в рваный платок и вышла из дверей.

Ветер снегом ей глаза порошит, платок с нее рвет. Идет она, еле ноги из сугробов вытягивает.

Все темнее становится кругом. Небо черное, ни одной звездочкой на землю не глядит, а земля чуть посветлее. Это от снега.

Вот и лес. Тут уж совсем темно – рук своих не разглядишь. Села девочка на поваленное дерево и сидит. Все равно, думает, где замерзнуть.

И вдруг далеко меж деревьев сверкнул огонек – будто звезда среди ветвей запуталась.

Поднялась девочка и пошла на этот огонек. Тонет в сугробах, через бурелом перелезает. "Только бы, думает, огонек не погас!" А он не гаснет, он все ярче горит. Уж и теплым дымком запахло и слышно стало, как потрескивает в огне хворост.

Девочка прибавила шагу и вышла на полянку. Да так и замерла.

Светло на полянке, точно от солнца. Посреди полянки большой костер горит, чуть ли не до самого неба достает. А вокруг костра сидят люди – кто поближе к огню, кто подальше. Сидят и тихо беседуют.

Смотрит на них девочка и думает: кто же они такие? На охотников будто не похожи, на дровосеков еще того меньше: вон они какие нарядные – кто в серебре, кто в золоте, кто в зеленом бархате.

Стала она считать, насчитала двенадцать: трое старых, трое пожилых, трое молодых, а последние трое – совсем еще мальчики.

Молодые у самого огня сидят, а старики – поодаль.

И вдруг обернулся один старик – самый высокий, бородатый, бровастый – и поглядел в ту сторону, где стояла девочка.

Испугалась она, хотела убежать, да поздно. Спрашивает ее старик громко:

– Ты откуда пришла, чего тебе здесь нужно?

Девочка показала ему свою пустую корзинку и говорит:

– Нужно мне набрать в эту корзинку подснежников. Засмеялся старик:

– Это в январе-то подснежников? Вон чего выдумала!

– Не я выдумала, – отвечает девочка, – а прислала меня сюда за подснежниками моя мачеха и не велела мне с пустой корзинкой домой возвращаться.

Тут все двенадцать поглядели на нее и стали между собой переговариваться.

Стоит девочка, слушает, а слов не понимает – будто это не люди разговаривают, а деревья шумят.

Поговорили они, поговорили и замолчали.

А высокий старик опять обернулся и спрашивает:

– Что же ты делать будешь, если не найдешь подснежников? Ведь раньше марта месяца они и не выглянут.

– В лесу останусь, – говорит девочка. – Буду марта месяца ждать. Уж лучше мне в лесу замерзнуть, чем домой без подснежников вернуться.

Сказала это и заплакала.

И вдруг один из двенадцати, самый молодой, веселый, в шубке на одном плече, встал и подошел к старику:

– Братец Январь, уступи мне на час свое место! Погладил свою длинную бороду старик и говорит:

– Я бы уступил, да не бывать Марту прежде Февраля.

– Ладно уж, – проворчал другой старик, весь лохматый, с растрепанной бородой. – Уступи, я спорить не стану! Мы все хорошо ее знаем: то у проруби ее встретишь с ведрами, то в лесу с вязанкой дров. Всем месяцам она своя. Надо ей помочь.

– Ну, будь по-вашему, – сказал Январь.

Он стукнул о землю своим ледяным посохом и заговорил:

Не трещите, морозы,

В заповедном бору,

У сосны, у березы

Не грызите кору!

Полно вам воронье

Замораживать,

Человечье жилье

Выхолаживать!

Замолчал старик, и тихо стало в лесу. Перестали потрескивать от мороза деревья, а снег начал падать густо, большими, мягкими хлопьями.

– Ну теперь твой черед, братец, – сказал Январь и отдал посох меньшому брату, лохматому Февралю.

Тот стукнул посохом, мотнул бородой и загудел;

Ветры, бури, ураганы,

Дуйте что есть мочи!

Вихри, вьюги и бураны,

Разыграйтесь к ночи!

В облаках трубите громко,

Вейтесь над землею.

Пусть бежит в полях поземка

Белою змеею!

И только он это сказал, как зашумел в ветвях бурный, мокрый ветер. Закружились снежные хлопья, понеслись по земле белые вихри.

А февраль отдал свой ледяной посох младшему брату и сказал:

– Теперь твой черед, братец Март.

Взял младший брат посох и ударил о землю.

Смотрит девочка, а это уже не посох. Это большая ветка, вся покрытая почками.

Усмехнулся Март и запел звонко, во весь свой мальчишеский голос:

Разбегайтесь, ручьи, Растекайтесь, лужи, Вылезайте, муравьи, После зимней стужи!

Пробирается медведь

Сквозь лесной валежник.

Стали птицы песни петь,

И расцвел подснежник.

Девочка даже руками всплеснула. Куда девались высокие сугробы? Где ледяные сосульки, что висели на каждой ветке?

Под ногами у нее – мягкая весенняя земля. Кругом каплет, течет, журчит. Почки на ветвях надулись, и уже выглядывают из-под темной кожи первые зеленые листики.

Глядит девочка – наглядеться не может.

– Что же ты стоишь? – говорит ей Март. – Торопись, вам с тобой всего один часок братья мои подарили.

Девочка очнулась и побежала в чащу подснежники искать. А их видимо-невидимо. Под кустами и под камнями, на кочках и под кочками – куда ни поглядишь! Набрала она полную корзину, полный передник – и скорее опять на полянку, где костер горел, где двенадцать братьев сидели.

А там уже ни костра, ни братьев нет. Светло на поляне, да не по-прежнему. Не от огня свет, а от полного месяца, что взошел над лесом.

Пожалела девочка, что поблагодарить ей никого, и побежала домой.

А месяц за нею поплыл.

Не чуя под собой ног, добежала она до своих дверей – и только вошла в дом, как за окошками опять загудела зимняя вьюга, а месяц спрятался в тучи.

– Ну, что, – спросили ее мачеха и сестра, – уже домой вернулась? А подснежники где?

Ничего не ответила девочка, только высыпала из передника на лавку подснежники и поставила рядом корзинку.

Мачеха и сестра так и ахнули:

– Да где же ты их взяла?

Рассказала им девочка все, как было. Слушают они обе и головами качают – верят и не верят. Трудно поверить, да ведь вот на лавке целый ворох подснежников, свежих, голубеньких. Так и веет от них мартом месяцем!

Переглянулись мачеха с дочкой и спрашивают:

– А больше тебе ничего месяцы не дали?

– Да я больше ничего и не просила.

– Вот дура, так дура! – говорит сестра. – В кои-то веки со всеми двенадцатью месяцами встретишься, а ничего, кроме подснежников, не выпросила. Ну, будь я на твоём месте, я бы знала, чего просить. У одного яблок да груш сладких, у другого – земляники спелой, у третьего – грибов беленьких, у четвертого – свежих огурчиков!

– Умница, доченька! – говорит мачеха. – Зимой землянике да грушам цены нет. Продали бы мы все это и сколько бы денег выручили! А эта дурочка подснежников натаскала! Одевайся, дочка, потеплее да сходи на полянку. Уж тебя они не проведут, хоть их двенадцать, а ты одна.

– Где им! – отвечает дочка, а сама – руки в рукава, платок на голову.

Мать ей вслед кричит:

– Рукавички надень, шубку застегни!

А дочка уже за дверь. Убежала в лес.

Идет по сестриным следам, торопится. "Скорее бы, думает, до полянки добраться!"

Лес все гуще, все темней. Сугробы все выше, бурелом стеной стоит.

"Ох, – думает мачехина дочка, – и зачем только я в лес пошла! Лежала бы сейчас дома в теплой постели, а теперь ходи да мерзни! Еще пропадешь тут!"

И только она это подумала, как увидела вдалеке огонек – точно звездочка в ветвях запуталась.

Пошла она на огонек. Шла, шла и вышла на полянку. Посреди полянки большой костер горит, а вокруг костра сидят двенадцать братьев, двенадцать месяцев. Сидят и тихо беседуют.

Подошла мачехина дочка к самому костру, не поклонилась, приветливого слова не сказала, а выбрала место, где пожарче, и стала греться.

Замолчали братья-месяцы. Тихо стало в лесу. И вдруг стукнул Январь-месяц посохом о землю.

– Ты кто такая? – спрашивает. – Откуда взялась?

– Из дому, – отвечает мачехина дочка. – Вы нынче моей сестре целую корзинку подснежников дали. Вот я и пришла по ее следам.

– Сестру твою мы знаем, – говорит Январь-месяц. – А тебя и в глаза не видали. Ты зачем к нам пожаловала?

– За подарками. Пусть Июнь-месяц мне земляники в корзинку насыплет, да покрупней. А Июль-месяц – огурцов свежих и грибов белых, а месяц Август яблок да груш сладких. А Сентябрь-месяц – орехов спелых.

– погоди, – говорит Январь-месяц. – Не бывать лету перед весной, а весне перед зимой. Далеко еще до июня-месяца. Я теперь лесу хозяин, тридцать один день здесь царствовать буду.

– Ишь какой сердитый! – говорит мачехина дочка. – Да я не к тебе и пришла – от тебя, кроме снега да инея, ничего не дождешься. Мне летних месяцев надо.

Нахмурился Январь-месяц.

– Ищи лета зимой! – говорит.

Махнул он широким рукавом, и поднялась в лесу метель от земли до неба заволокла и деревья и полянку, на которой братья-месяцы сидели. Не видно стало за снегом и костра, а только слышно было, как свистит где-то огонь, потрескивает, полыхает.

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
Испугалась мачехина дочка.

– Перестань! – кричит. – Хватит!

Да где там!

Кружит ее метель, глаза ей слепит, дух перехватывает. Свалилась она в сугроб, и замело ее снегом.

А мачеха ждала-ждала свою дочку, в окошко смотрела, за дверь выбегала нет ее, да и только. Закуталась она потеплее и пошла в лес. Да разве найдешь кого-нибудь в чаще в такую метель и темень!

Ходила она, ходила, искала-искала, пока и сама не замерзла.

Так и остались они обе в лесу лета ждать.

А падчерица долго на свете жила, большая выросла, замуж вышла и детей вырастила.

И был у нее, рассказывают, около дома сад – да такой чудесный, какого и свет не видывал. Раньше, чем у всех, расцветали в этом саду цветы, поспевали ягоды, наливались яблоки и груши. В жару было там прохладно, в метель тихо.

– У этой хозяйки все двенадцать месяцев разом гостят! – говорили люди.

Кто знает – может, так оно и было.

ВЕСЕННИЕ ОБЛАКА

На мгновение разорвалась легкая ткань весенних облаков, и солнце, так недавно казавшееся тусклым и небольшим диском, затерянным в небе, вновь загорелось ослепительным светом и во все стороны устремило яркие, острые лучи.

Это было на склоне дня, и золотой свет солнца на тротуаре явился только грустным предчувствием вечера. Мы бродили по людным улицам фабричного загорода, изредка перекидываясь словами, но больше всего отдаваясь, каждый в отдельности, смутным и печальным настроениям городской весны. Иногда нас останавливал сильный порыв ветра, захватывавший наше дыхание, и тогда мы изменяли направление нашего пути, но домой не возвращались.

Медленно качалась подвешенная вывеска, кружились мелкие клочки бумаги. Прохожие тревожно заслонялись от ветра. Но настоящее царство ветров, где они чувствовали себя на полной воле, было весеннее небо с потемневшими облаками, такими огромными, но послушными каждому легкому дыханию ветра. Картина вечеряющего неба менялась поминутно. Куда-то исчезали прежние нагромождения облаков, и на смену им являлись новые. Порой открывалась бледная голубизна небес – и на нее стремительно и неуклонно неслись ближние и дальние волокна, пока не закрывали ее.

За каменным забором высились черные стволы деревьев. Выглянуло солнце и они стали еще чернее. Причудливо застыли резко и остро изогнутые ветви.

– Я не люблю весну, – сказала моя приятельница. – Весной бывает тоска и бессонница и я много плачу. А помню, когда-то, когда была девочкой, я любила ее. Я много спала весной – и ночью и днем. Особенно сладко спалось днем. А сны какие бывали!

Ветер утих. Облака плыли, как во сне. Солнце таяло за белым, густым облаком.

– Какие же сны бывали у вас?

– Вот как эти облака. Быстрые, беспорядочные и непрерывные. И такие же тяжелые и бурные, как облака.

ИЗУМРУДНЫЙ ОСТРОВ

Из путевых очерков "По Ирландии"

I

После долгого и безвыездного пребывания в Англии ничто не может так сильно освежить душу, как прогулка по вольной и пуст Ирландии. Я проделал около сотни миль пешком, странствуя по берегам величественного Шаннона, и мне казалось, что я уехал из Лондона давным-давно, лет десять тому назад, и нахожусь на расстоянии многих тысяч миль от Англии.

Я отправился не в протестантский Ольстер, не в Белфаст, куда устремляются ныне десятки и сотни корреспондентов {1}, даже не в Дублин, центр национально-католической Ирландии, где также бьет ключом политическая жизнь, а на юг и на запад страны, в один из глухих углов.

Незадолго пред моей поездкой туда я слышал беседу нескольких англичан, друзей Ирландии.

Один из них пел старую ирландскую песню:

Картофель уродился у нас мелкий и редкий

На холмах, на холмах.

Мы роем его в листопад,

Мы роем его в листопад,

Полные тревоги,

Полные тревоги.

О, я хотел бы, чтобы мы все были... гуси...

О, я хотел бы, чтобы мы все были гуси.

Ибо они клюют зерно в тишине и покое,

Пока не приходит для них смертный час...

Смертный час.

Мелодия покорно-грустная и ленивая.

Ирландия пережила на своем веку очень трудные и грустные времена: преследования, голод, нужду. Огромные просторы ее пустынь и неводеланы. Восьмая часть страны занята болотами. Картофель – главная пища ирландцев, и неурожай его мог породить не одну песню скорби и отчаяния – наподобие той, какую мне привелось услышать.

– Правда, население Ирландии небогато, – сказал один из моих собеседников-англичан. – А между тем почва там очень плодородная. С восьмидесяти годов прошлого столетия парламент занимается очень серьезными земельными реформами в Ирландии. Чуть ли не три четверти земли выкуплено у лордов и предоставлено земледельцам на самых льготных условиях {2}. Для бедноты строятся прекрасные коттеджи, за которые они выплачивают очень небольшие проценты. Иной платит за свой участок земли два – пять шиллингов в год – и все-таки жалуется. Иной раз они жалуются неискренне, не всерьез. В этом проявляется особый юмор ирландцев.

– Говорят, что ирландцы ленивы, – заметил другой англичанин, – между тем в Америке, где их в десять раз больше, чем на родине, они отлично преуспевают, богатеют и играют большую роль в политической и общественной жизни. Некоторые полагают, что влажно-теплый климат их родины повинен в этой бездеятельности и лени населения. А может быть, в этом виновата вековая борьба и вековые преследования.

– Непременно побывайте в Ирландии, – посоветовал мне один из моих собеседников, – вы почувствуете себя там на полной воле. Ирландцы не признают правил, законов. В вагонах железных дорог набивается такое количество людей, которое явно противоречит числу пассажиров, обозначенных в уставе. Вот вам пример ирландской

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
точности и аккуратности. На одной из веток железной дороги поезд подходит к пересечению линий. Там ворота – шлагбаум. Поезд издали дает свисток. Но сторожа на месте не оказывается: ушел по своим делам. После нескольких тщетных призывов поезд дает задний ход, а затем налетает на ветхое заграждение и сшибает его. Вот что бывает в Ирландии.

– Но какой это добрый, гостеприимный и поэтичный народ, – единодушно вырывается у всех.

Мне уже не раз приходилось слышать об этой стороне характера ирландцев, я знаю их легенды. Одна из них рассказывает о четырех всадниках (The riders of the Shee {Всадники из Ши (англ.)}), которые стерегут весь мир, объезжая его кругом днем и ночью и держа в руках четыре древних символа: кольцо, чашу, голубя и крест.

Я слышал песни ирландцев. К сожалению, их маленькая "галльская арфа" давно уже перестала быть национальным инструментом в их стране. Теперь ее можно увидеть только у какого-нибудь редкого любителя музыки или любителя старины.

II

Фишгардский экспресс примчал меня, пролетая сквозь туннели и не останавливаясь на станциях, в Фишгард. За окнами мелькали синие "сахарные головы" уэльских гор. Из Фишгарда до Росслера, ирландской гавани, установлен самый короткий из всех рейсов, которые только имеются между Англией и Ирландией: всего 2 3/4 часа. Но и в этот короткий период бурное и своенравное Ирландское море дает себя почувствовать. Пароход подбрасывает, как футбольный мяч. Брызги перелетают через палубу, и у пассажиров остается на губах едкий, соленый привкус.

Но вот и невысокий берег Росслерской гавани.

После стремительного экспресса и плавания по бурному морю приятно отдохнуть в покойном и неторопливом поезде ирландской железной дороги. За окнами – мирная зеленая равнина, озаренная закатом, догорающим за покатыми холмами на горизонте. Вот они – просторы, где трудятся земледельцы, терпеливо идущие за плугом. Деревни с избами, крытыми соломой. Стада, вольно бродящие по диким пастбищам без присмотра пастухов.

Даже в вагоне царит настроение, какого не бывает в английских вагонах. Там пассажиры редко вступают в разговор. Читают газету или смотрят в окно.

Здесь же очень быстро завязывается всеобщая беседа. Старушка с дочерью возвращаются из Англии и ругают англичан и все английское. К ним присоединяется старая дева, учительница, пользующаяся случаем провести параллель между Ирландией и Англией, обычаями и нравами обеих стран.

– Мама ни за что не хотела оставаться в Англии, – говорит бледная девушка. – Мне лично нравилось там жить. Англичане живут богаче и веселее. Но мама настояла на своем.

Старушка на вид кроткая-прекроткая. Но видно, что у нее хватило решимости и упорства для того, чтобы настоять на возвращении на родину. Губы у нее крепко сжаты, а на лбу упрямая морщинка.

Она добилась своего и выглядит довольной и умиротворенной.

– Англичане очень много едят. Ах, как они много едят. И всегда мясо.

– У англичан нет никакой религии. Вот только в церковь ходят по воскресеньям.

– Это правда, совершенная правда! – восклицает учительница. – Я часто дразнила моих знакомых англичан тем, что их разводы недействительны. Их религия допускает развод, но ведь мы, католики, знаем, что никто не может развести супругов помимо святого престола. Я говорила одной даме, которая развелась и снова вышла замуж, что у нее теперь два мужа.

– Англичане ужасно любят деньги.

Кто-то, защищая англичан, говорит, что они энергичны, культурны и свободны от

Страница 33

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
суеверий – между тем ирландцы до сих пор верят в фей и ведьм.

– Мама верит, – говорит бледная девушка. Кроткая "мама" улыбается и кивает головой.

– Да, я верю.

– Какие же они бывают – феи? – спрашиваю я.

– Разные: добрые и злые, светлые и темные.

– А где они живут?

– В пещерах, в лесу, да и в домах иногда, – отвечает старушка, улыбаясь...

Кто-то противопоставляет немзыкальность англичан музыкальности ирландцев.

По этому случаю пожилая учительница даже спела куплет одной народной песни:

Ах, продам тебя я, прялка.

Я продам веретено.

Мне себя самой не жалко,

Жизнь иль смерть – мне все равно.

Я мог бы проездить по английским железным дорогам десяток лет, а не услышал бы песни – особенно из уст старой девы...

В этот день я приехал в большой город Лимерик, где я рассчитывал переночевать перед тем, как отправиться в путь – по левому берегу реки Шаннон. Рано утром я вышел побродить по улицам и заглянул в парк. У необычайно высокого памятника с классически задрапированной фигурой на скамье сидел молодой человек.

– Чей это памятник? – полюбопытствовал я.

– Сторонника Унии между Англией и Ирландией {3}, Сиринг Раиса. Памятник, правда, красивый, но лучше бы он не стоял здесь. Вот было бы время убрать его... теперь, когда гомруль станет законом и уния тысяча восьмисотого года будет уничтожена.

Худощавый молодой человек произнес эти слова очень Энергично. Впалые глаза его засветились гневным огоньком.

Я сообщил ему, что я иностранец и нахожусь в Ирландии впервые.

Молодой человек счел своим долгом прочесть мне целую лекцию об Ирландии и ее прошлом.

Об англичанах и их политике в Ирландии он говорил с озлоблением, весь дрожа. В воздухе веяло сыростью и ранней прохладой, и этим можно было отчасти объяснить дрожь моего собеседника, который был в легком пиджачке без пальто.

Я спросил его:

– Примири́т ли вас с Англией ваша автономия?

– Не знаю, не думаю, – увлеченно ответил молодой человек, – века преследований не забываются. Мы все были бы счастливы, если бы какая-нибудь держава отторгла нас от Англии... Сколько способностей и дарований погибало и погибает в нашей стране даром. Сколько естественных богатств не использовано из-за религиозной вражды. Капиталы находятся, главным образом, у протестантов. Все крупные фермы в их руках. Вот отчего нашей молодежи так трудно пробивать себе дорогу. Вы побродите по Ирландии, вы узнаете и полюбите наш народ. О, это прекрасный народ. Пойдите в наши доки здесь в Лимерике, и вы услышите много глубоких и остроумных вещей, каких бы не сказал никакой писатель или профессор. Ни одного бранного слова вы не услышите в наших тихих доках. На днях я прихожу на почту рано утром. Вижу, стоят двое рабочих-грузчиков. Дрожат от холода. "Что, спрашивают, пришли

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
ли газеты. Мы хотим узнать результат голосования в Палате общин после второго чтения гомруля" {4}. А еще говорят, что наше простонародье не интересуется гомрулем.

Городские часы пробили девять. Молодой человек, еще не остывший от недавнего волнения, поплелся на службу.

Город давно проснулся. По улицам ходили женщины в черных шалях – без шляп. (В Англии последняя прачка или деревенская жительница выходят на улицу не иначе, как в шляпке. Даже цыганки – и те носят шляпы!)

На почте ко мне подошел высокий, прямой старик и сказал мне строго и просто:

– Пишите мне телеграмму, – и не дожидаясь моего согласия, продиктовал: – "Килдайсарт. О'Селливану. Везти ли телят на базар или оставить их дома".

После высоко просвещенной Англии меня даже тронул этот экземпляр неграмотности, невежества. Старик напомнил мне родную мне Россию...

Мой утренний знакомый был прав. Доки Лимерика оказались необычно тихими. Ни гулкой брани, ни выкриков. Добродушные грузчики вели за работой тихую беседу, столь несвойственную людям их профессии: будто старушки у камина.

Если в воздухе и слышались здесь какие-нибудь крики, то они принадлежали чайкам, галкам и воронам, носившимся над доками.

Снежно-белые и черные птицы мелькали над водой и кружились над мачтами парусных судов, прибывших издалека.

ВЕРБЛЮД И СВИНЬЯ

Верблюд сказал:

– Я рад, что у меня длинные ноги и длинная шея. Это очень удобно.

Свинья сказала:

– А я рада, что у меня короткие ноги и короткая шея. Это гораздо удобнее.

Верблюд сказал:

– Давай поспорим. Если ты окажешься права, я отдам тебе свой горб. Свинья сказала:

– Давай. Если ты окажешься прав, я отдам тебе свой пяточок!

-- Ладно! – сказала свинья.

– Идет! – сказал верблюд.

Они пошли вместе и остановились у сада. Сад был обнесен низкой оградой, а калитки не было. Верблюд, не долго думая, вытянул шею и стал срывать с веток сладкие плоды. А свинье ничего не досталось.

Верблюд позавтракал и сказал свинье:

– Ну, кто из нас прав?

– Пойдем дальше! – сказала свинья.

Пошли дальше и пришли к огороду. Вокруг огорода была очень высокая ограда, а калитка была очень низенькая. Свинья вошла в огород и стала есть вкусные овощи, которые росли на земле. А верблюд не мог войти и остался за оградой.

Свинья пообедала и, выйдя из калитки, сказала верблюду:

– Ну, кто из нас прав?

Спорили они, спорили да и порешили, что верблюд останется со своим горбом, а

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
свинья со своим рылом.

ЗАМОК ИНЧИКУИНА

Я учился в английском колледже. Был у нас рыжий студент, потомок древних ирландских королей. Звали его Инчикуин. Ему было всего шестнадцать лет. Мы с ним учились вместе целый год, а никогда не разговаривали. У него было всего два приятеля – с ними он ездил верхом по парку каждое утро перед завтраком. А на других студентов и смотреть не хотел.

Как-то раз я вышел после лекции в сад. Было это весной, солнце начинало припекать. Вижу – на скамейке сидит Инчикуин, без шапки, в руках держит книжку. Ветерок растрепал его рыжий пробор.

– Проклятая латынь! – бормочет Инчикуин, наморщив маленький лоб.

Я молчу.

Инчикуин вынул изо рта трубку и говорит сквозь зубы:

– Послушайте, вы что-нибудь смыслите в латыни? Будь я проклят, если когда-нибудь пойму хоть одну латинскую строчку.

– Давайте, я вам помогу, – сказал я и быстро перевел ему несколько строк.

– О, – сказал Инчикуин, – вы, иностранцы, дьявольски умный народ! А для меня латынь все равно что готтентотский язык. Пожалуйста, переведите еще раз, я запишу.

Ничего не поделаешь – пришлось продиктовать ему страницу из Овидия.

Он то и дело прерывал меня и спрашивал, как пишутся слова.

– Да ведь я диктую вам не по-латыни, а по-английски – на вашем же родном языке!

Инчикуин не смутился и сказал очень весело:

– Будь я проклят, если я когда-нибудь одолею английское правописание! Для меня это китайская грамота!

После этого случая не только Инчикуин, но и его товарищи стали при встрече улыбаться мне.

Я часто слышал, как они говорят между собой:

– О, эти иностранцы – чертовски умный народ! Жарят Овидия, как "Отче наш".

Однажды я сидел в нашей маленькой тихой университетской библиотеке. Инчикуин вошел в комнату, перелистал журнал "Хоккей", а потом от нечего делать подсел к моему столику. В библиотеке нельзя было курить – поэтому он держал во рту потухшую трубку.

– Слушайте, – сказал он, – знали ли вы в России одного человека, я забыл его фамилию. Кончается на "ский"... Славный парень, ростом в шесть футов!

Я ничего не мог ему ответить, но он и не ждал моего ответа.

– Слушайте, – сказал он опять. – А знакомы ли вы с русским царем, то есть я хочу сказать – бываете ли во дворце? Я в прошлом году видел вашего великого князя. Позабыл только, как его зовут. Кажется, Михайловна.

Я очень любил читать книги о средневековых рыцарях. Инчикуин увидел у меня в руках книгу, которая называлась "Ирландский замок". На первой странице были изображены развалины замка с деревьями на крыше.

– О, – сказал Инчикуин, – у меня у самого есть в Ирландии замок. Ему восемьсот двадцать три года.

– А башни уцелели? – спросил я.

– Да, башни, подъемный мост и все прочее. На реке Шаннон, недалеко от деревни Килдайсарт. Красивый вид. Приезжайте посмотреть. Только мы живем не в замке, а в двух милях от него. У меня дома отличные лошади. Читали вы в газетах о Ирландской Девушке, которая взяла приз на Дерби? Это моя кобыла.

Я записал адрес Инчикуина на обложке "Ирландского замка".

Летом я жил в английской деревне у подножия высоких гор, похожих на сахарные головы. Гладко вымощенная, будто полированная дорога проходила через деревню, а потом вилась в горах.

Деревня была чистенькая, уютная, вся увитая розами и диким виноградом. Я жил в небольшом двухэтажном доме, а против моего окна высился столб с блестящей вывеской гостиницы: "Королевская таверна. Автомобильный клуб".

По дороге то и дело проезжали автомобили.

Зашел я раз в бакалейную лавочку за папиросами "Золбтой мундштук". В лавочке пахло всеми английскими колониями: тут были ящики кофе, какао и корицы, а на стене висели целые ветви желтых, слегка почерневших бананов.

Перед прилавком стоял высокий и прямой юноша в роговых очках. Не шевелясь, он смотрел на лавочника в упор и допрашивал его, как следователь.

– Лучше всего, – говорил пискливым голосом лавочник, сидя на высокой табуретке, – лучше всего доехать по железной дороге до гавани Фишгард. Оттуда есть пароход в Ирландию, в Росслер.

Когда я подошел к прилавку, лавочник весело пропищал:

– Доброе утро, сэр. Славная сегодня погода! Вот мистер Робертсон собирается путешествовать по Ирландии – пешком. Забавная страна! Вы подумайте только – Англия с Ирландией составляют одно королевство, а какая разница! Вы там не бывали еще?

Я сказал, что давно собираюсь.

Высокий молодой человек, не поворачивая головы, сказал мне:

– Если хотите, поезжайте со мною. Вдвоем веселее. Вы умеете ходить? Захватите дорожный мешок и будьте у "Королевской таверны" через два часа.

Потом он повернулся, оскалил лошадиные зубы и сказал:

– Та-та.

Так говорят для краткости вместо "гуд бай". "Гуд бай" значит "прощай", а "та-та" что-то вроде нашего "пока".

Мы поехали. В поезде мистер Робертсон все время молчал и читал путеводитель, раскрыв маленькую карту.

На пароходе он лежал в длинном кресле на палубе. Лицо у него было зеленое, как море зимой. Рот был широко открыт. Шляпу он надвинул на глаза, чтобы не видеть мелких перекатывающихся морских волн.

– Как вы чувствуете себя? – спросил я, проходя мимо.

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru

– Отлично, великолепно, наслаждаюсь путешеств... – попробовал он соврать, но, не кончив слова, закрыл глаза и склонил голову набок.

В несколько часов мы переправились через небольшое, но бурное Ирландское море.

– Что же, пешком? – спросил я у Робертсона, когда мы с ним сошли на землю.

– Да, я признаю только пешее передвижение.

Мы пошли по пыльной большой дороге. По одну сторону виднелись круглые холмы, по другую только луга. На лугах паслись овцы без пастухов и собак.

По дороге проходили женщины, закутанные в черные платки и похожие на монахинь.

Мистер Робертсон опустил у края дороги на камень.

– Что с вами? – спросил я. Притворно улыбаясь, он прошептал:

– Маленькое головокружение... от свежего воздуха.

– А вы можете дальше идти, мистер Робертсон? Все с той же веселой улыбкой он отвечал:

– Конечно, могу, но лучше бы поехать.

Мимо нас бежал мелкой трусцой ослик, тащивший повозку вроде открытого ящика. В ящике стоял длинный человек в соломенной шляпе и колотил осла палкой.

– Ги-ги! – кричал он. – Двигай ногами, дармоед, а то я тебе перешибу спину!

– Послушайте! – закричал я ему. – Моему товарищу дурно, не подвезете ли вы нас немного?

– Он и меня везти не хочет, – отвечал человек в шляпе. – Садитесь, будем вместе погонять его!

Робертсон тяжело грохнулся в повозку, как замороженный труп. Я полез за ним.

– А не будет ли ослу тяжело? – спросил я.

– Спросите у него, – пробормотал человек в шляпе и ткнул осла дубиной.

В это время нас догнала женщина. Из-под черного платка виднелся только край ее красного лба и седые космы волос.

– Пьяница! – закричала она. – Посадил черт знает кого, а я должна пешком тащиться!

Осел, видимо, испугался крика и поскакал по дороге, как хороший призовой конь.

– Вы знаете ее? – спросил я, когда женщина пропала из виду.

– Зияю, – спокойно ответил возница.

– А кто она такая?

– Жена.

– Чья жена?

– Моя.

Осел остановился у маленькой железнодорожной станции. Робертсон стал шарить по карманам.

– Что потеряли? – спросил я.

Робертсон побледнел и сказал дрожащим голосом:

- Путеводитель...

Возница посмотрел на Робертсона с испугом и участием.

- Оставил в кресле на палубе, - сказал Робертсон. - Проклятое Ирландское море!

- Что за беда, Робертсон. Будем путешествовать и без путеводителя.

- Как же это можно! - возмутился Робертсон. - Там указаны все замки, церкви, кладбища, все гостиницы, все станции, все дороги шоссейные и проселочные. Я без него не пойду. Придется сесть на поезд. Я даже не знаю, где здесь останавливаются на ночь. А новый путеводитель не во всяком городе найдешь - особенно здесь, в этой дурацкой Ирландии.

- В Лимерике найдем, - успокоил я его.

Где-то близко свистнул паровоз. Мы торопливо простились с владельцем осла и побежали на станцию.

Через несколько минут мы сидели на полинялых диванах в душном маленьком вагоне и мчались на запад Ирландии - в город Лимерик.

- Лимерик, - вспоминал Робертсон, - страница сто семьдесят пятая в путеводителе... Кожевенные фабрики, памятник Родсу... Расположен на реке Шаннон.

- Шаннон! - закричал я. - Там находится замок студента Инчикуина, потомка ирландских королей. Мы непременно побываем у него. Мы увидим подъемный мост, башни, бойницы, деревья на крыше.

- Сначала надо найти путеводитель, - угрюмо, сказал Робертсон.

В Лимерике мы хорошо выспались. Робертсон опять повеселел и заходил большими шагами. Под мышкой у него был новенький путеводитель в красном переплете.

Мы побывали в доках. Там грузили пароход, но никто при этом не кричал и не суетился. Это была самая тихая пристань в мире. Кричали одни только чайки.

- Знаете, Робертсон, - сказал я, - хорошо бы нам сегодня отправиться в деревню Килдайсарт, в замок Инчикуина.

- Постойте, - ответил Робертсон, - надо сначала узнать, есть ли на свете такая деревня и такой замок.

Он присел на перевернутую лодку и раскрыл свой новенький путеводитель.

- Деревня Килдайсарт, - прочел он. - Церковь, кладбище... А никакого замка Инчикуина поблизости нет. Никакого. Есть, правда, замок в окрестностях Лимерика, но совсем в другом направлении.

Я обиделся и сказал резко:

- Я иду в Килдайсарт. Я хорошо знаю, что замок Инчикуина находится недалеко от деревни Этиа. Хотите - идем вместе, а не хотите - мы можем здесь расстаться.

Робертсон притворно улыбнулся и сказал:

- Держу пари, что никакого Инчикуина на свете нет.

- Нет Инчикуина? Что же, я его выдумал?

- Нет, вы просто ошиблись. Его фамилия, вероятно, не так произносится, а может быть, не так пишется. Никакого замка вы не найдете. Пари на фунт табаку?

- Идет, - сказал я, - через три дня мы встретимся в Лимерике и увидим, чей табак будем курить.

– Отлично, – сказал Робертсон, ласково и ехидно улыбаясь. – Только имейте в виду, что в деревне нет гостиницы и вам негде будет ночевать.

– Переночую под деревом или у местных жителей.

– Под деревом? – изумился Робертсон. – Разве что под деревом, а у жителей вряд ли. Ну, счастливого пути! Пожимая мне руку, он еще раз улыбнулся.

– А где же вы будете ночевать? – крикнул он мне вслед. – В рыцарском замке! – ответил я гордо.

Я шел зелеными лугами. Надо мной висели и дрожали, как на резиновых ниточках, жаворонки. Я видел, как они отрывались от земли, а потом падали в траву или в колосья. Только изредка попадался мне домик или церковь. Перед церковью высилось распятие из белого или черного мрамора.

Свернув с дороги, я чуть было не утонул с болоте. Сначала я заметил только, что мои сапоги заблестели, а потом у меня под ногами захлюпала и зачмокала трава. Я вернулся на дорогу.

"Подвез бы меня кто-нибудь, – подумал я, – а то мне и до вечера в деревню не поспеть".

Мимо пробежало несколько осликов с ящиками на колесах – вроде того, в котором мы с Робертсоном тряслись вчера. По ящики были плотно набиты бидонами с молоком.

Вдруг сзади послышалось громкое, веселое ржанье. Я обернулся и увидел в столбе пыли большой и высокий экипаж.

Должно быть, важная карета. Не подвезет, пожалуй.

Да, правда, карета. Везут ее две крупных лошади. Громко щелкают длинные бичи. На козлах два человека. Должно быть, кучер и лакей.

Уж не сам ли Инчикуин катит – потомок ирландских королей?

Ближе, ближе, – я отхожу в сторону и пропускаю лошадей.

Что это значит? Карета без окон! На боковой стенке надпись крупными буквами:

ДЖЕЛФС, ДЖЕЛФС И КОМПАНИЯ

ЛУЧШАЯ ПРАЧЕЧНАЯ В ЛИМЕРИКЕ

– Простите, – закричал я бородатому кучеру, – не можете ли довезти меня до деревни?

– Отчего же нет, – сказал бородач, осаживая лошадей. – Место найдется, а лошади у нас, как видите, не дохлые.

Я взобрался на высокое колесо, а оттуда полез на сиденье. Вместо лайся я увидел на козлах маленькую сморщенную старушонку. Я сел между нею и бородачом. Опять щелкнул бич, и мы с грохотом покатили.

"Этак мы скоро домчимся", – подумал я, задыхаясь от быстрой езды и от пыли. Но через пять минут фургон остановился у ворот. За железной оградой я увидел великолепный парк. На ветвях каштанов качались, как султаны на цирковых лошадях, белые цветы. По главной аллее, между двумя рядами каштанов, шел важный мужчина в блестящем цилиндре и вел под руку женщину.

Сморщенная старушонка скатилась с козел и быстро побежала в ворота, кланяясь на ходу гулявшим по парку людям.

Бородач тоже поклонился. Человек в цилиндре пристально посмотрел на меня.

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
Через несколько минут старушка воротилась с громадным узлом. Отодвинув дверцу фургона, она впикнула туда узел, а сама с ловкостью мальчишки взобралась к нам на сиденье.

Так вот оно что! Мы собираем по усадьбам грязное белье и развозим господам чистое. Только теперь я это понял.

Чем дальше, тем чаще мы останавливались в пути. Когда мы подъехали к седьмым воротам, я решил покинуть прачечный фургон и продолжать путь пешком, хотя солнце уже садилось.

Едва только я поставил ногу на колесо, как из ворот вышли несколько молодых людей. Один из них, рыжий, без шляпы, вел на привязи двух рыжих собак.

Я посмотрел на него и сразу узнал: Инчикуин. Я хотел было его окликнуть, но в эту минуту проворная старушка скатилась с козел, и обе собаки на нее залаяли.

– Тубо, дьяволы! – закричал Инчикуин. – Будь я проклят, если я не утоплю вас сегодня же в грязной луже!

– Добрый вечер, Инчикуин, – сказал я.

– Добрый вечер, – пробормотал он смущенно, наклоняясь к собакам. Потом он пришел в себя и сказал: – А это вы! как вы здесь очутились? Куда это вы едете?

– Никуда, Инчикуин. Я путешествую по Ирландии.

– Путешествуете? А давно ли вы служите в прачечной? Я расхохотался.

– Нет, я не служу в прачечной, Инчикуин. Я встретил фургон по дороге и попросил этих людей подвезти меня.

Инчикуин посмотрел на своих спутников, будто хотел спросить, верят, ли мне они или не верят. Его спутники – такие же мальчишки, как Инчикуин, смотрели на меня с любопытством.

– Простите, – сказал Инчикуин, наморщив лоб. – Я ничего не понимаю. Люди обыкновенно ездят в каретах, в автомобилях, иногда на велосипедах. Но я никогда, никогда не слышал, чтобы кто-нибудь когда-нибудь совершал путешествие в прачечном фургоне!

Мне надоели его рассуждения, и я перебил его:

– Послушайте, Инчикуин, отчего в путеводителе ничего не говорится о вашем замке?

Инчикуин пожал плечами и сказал:

– Спросите об этом людей, которые сочиняют путеводители.

– А можно ли посмотреть ваш замок?

– Сделайте одолжение.

– Вы мне дадите ключи от замка?

Товарищи Инчикуина переглянулись, а он сердито пробормотал:

– Не надо никаких ключей.

– А разве замок всегда открыт?

– Всегда открыт, – сказал Инчикуин и сейчас же заорал на своих собак: Молчать, дьяволы! Ни с места!

Когда я отошел на далекое расстояние, я услышал голос Инчикуина:

– Эй, подождите минутку!

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru
Я остановился.

- Где вы будете сегодня ночевать? – крикнул Инчикуин.
- Буду ночевать в деревне. Спокойной ночи!

Мимо меня с грохотом прокатил прачечный фургон. Бородач и старушка ласково кивали мне сверху.

Когда я пришел в деревню, уже темнело. Двери в домах были заперты. Только одна дверь была открыта настежь, – толстая женщина выгоняла из дома осла.

- Можно у вас переночевать? – спросил я. Женщина покачала головой.
- Вам у нас не понравится, – сказала она.
- Ничего, понравится! Только найдется ли у вас место?
- Место найдется, – сын дома не ночует, теленка в больницу повез.

Вот и отлично. Я вошел в дом и огляделся.

На полу под навесом тлела кучка торфу, и дым от нее уходил к потолку, где была дыра. Пахло гарью и скотом.

Это была старинная курная изба. Я не заметил ни одного окна. Верхняя половина двери открывалась, заменяя окно. По земляному полу бегали цыплята, а из темного угла резко хрюкала, будто резала ножницами жесть, большая свинья.

Небогато живут в этой деревне.

Я стоял у огня, а хозяйка, миссис Селиван, сложив руки на животе, пристально меня разглядывала.

- Скажите, миссис Селиван, далеко ли отсюда замок?
- Какой замок? Замок в Дублине. Там живет правительство.
- Да нет, старинный замок Инчикуина. Знаете вы его?
- А-а-а, – догадалась хозяйка, – ну бог с ним!..

Больше она ни слова не сказала.

Свинью на ночь выгнали – так же, как прежде выгнали осла, которого я встретил у входа.

Меня заботливо уложили в пристройке – в небольшой клетушке. Проснулся я на рассвете и поспешил выйти на свежий воздух.

Толстая хозяйка бегала по двору за курицей.

- Где тут у вас можно умыться? – спросил я.
- А вон там за домом стоит кадушечка, – сказала хозяйка и ткнула куда-то пальцем.

Я скоро нашел кадушечку за домом, но в эту самую минуту из нее пила воду большая черная свинья. Я не стал ей мешать и, махнув рукой, пошел назад в избу.

Миссис Селиван накормила меня картошкой.

Во время еды я еще раз заговорил с хозяйкой о замке Инчикуина.

- Там теперь живут злые феи, – сказала она. – Лучше туда не ходить.

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamui1.ru

- А где это, миссис Селиван?

- Я вам покажу дорогу, только ничего хорошего там нет. Вы поверьте мне.

После завтрака она показала мне тропинку, а сама вернулась домой.

Я долго шел и все всматривался в даль, не видать ли высоких башен с бойницами. Но башен не было. Тропинка кончилась, и я пошел по пустырю, заросшему травой и заваленному горами камня. Вдруг я услышал не то чиханье, не то фыканье.

Я вздрогнул и огляделся кругом. В стороне я увидел остаток стены в два человеческих роста. Кладка была старая, сухая. В стене было два отверстия: одно большое, другое - на самом верхе - поменьше. Это были, очевидно, дверь и окно.

Опять послышалось фыканье сверху. Будто кто-то оттуда плевался.

"Фея! - подумал я. - Фея сердится на меня и плюется".

Я отошел от стены на несколько шагов, и только тогда увидел того, кто плевался. Это была худая рыжая кошка. Она злобно водила усами и шипела. К ней прижимался худой рыжий котенок, очень похожий на Инчикуина.

А где же ров? Я обнаружил его только тогда, когда оступился и полетел в яму, царапаясь о колючие кусты и камни.

Вот и все, что я увидел. Стоило ли ради этого ссориться с Робертсоном и тащиться целый день по пыльной дороге - сначала пешком, а потом на прачечной колеснице!

А табак я все-таки выиграл: я нашел замок древних Инчикуинов и унес с собой на память грязный камень, обросший мхом.

Через три дня я встретился с Робертсоном в Лимерике. Он сидел за столом в чистеньком номере гостиницы и спокойно читал книгу в красном переплете. Вид у него был свежий и бодрый, а я притащился запыленный, невымытый и весь в царапинах.

Я положил на стол камень и рассказал Робертсону все, что было.

Робертсон очень долго смеялся, а потом сказал мне;

- Вот что значит путешествовать без путеводителя!

КЛЮЧИК И ЗАМОЧЕК

Сказка

Жили-были два друга, ключик и замочек.

В одном доме жили, одну дверь сторожили. Замочек черный, а ключик белый. Замочек маленький, а ключик еще меньше, хоть и с бородкой. Замочек всегда дома оставался, а ключик гулять уходил.

Вернется ключик, а замочек висит себе на дверных кольцах, засунув палец в рот, и спит.

- Здравствуй, - скажет, ключик. - Ты, верно, без меня хорошо выпался? Отомкнись, пожалуйста.

Замочек щелкнет и вытащит палец изо рта. Дверь сразу и откроется.

Любил ключик теряться. Потеряется на целый день. Его ищут, ищут. А он лежит себе где-нибудь на полу и думает:

"Не там ищите. Вот он я!"

Час ищут, два ищут. Ведь без него в комнату попасть нельзя. Маленький, крепкий замочек висит на дверных кольцах, держит палец во рту и никого в дом не пускает.

– Найдите, – говорит, – сначала ключик, тогда пущу!

Пробуют отомкнуть замочек другими ключами, – ничего не выходит. Не слушается замочек других ключей.

Подберут наконец ключик точь-в-точь такой, как тот, что потерялся. А замочек все не открывается.

– Не обманете, – говорит, – я свой ключ хорошо знаю! Что тут делать? Замок ломать, кольца из двери вытаскивать или за слесарем идти?

Только пойдут за слесарем, сразу ключик найдется.

– А? Что? – говорит. – Замок вам открыть? Пожалуйста!

Щелкнет раз, другой – и готово.

– Ох, – говорят люди, – надо на цепочке ключик носить. Может быть, тогда не потеряется.

Посадили ключик на цепочку, как собаку. А он взял и вместе с цепочкой потерялся.

Насилу нашли под кроватью.

Каждый вечер говорил ключик своему приятелю замочку:

– Жалко мне тебя, замочек! Всегда ты на двери висишь, в темном коридоре, и ничего на свете не видишь. То ли дело я! Где только я не побывал, чего только не повидал! И в университете я был, и в доме культуры был, и на вокзале, и на базаре, а один раз даже в милиции пришлось побывать.

– Верно ты говоришь, – отвечает ключику замочек. – Я все дома торчу, а ты по городу гуляешь. Оттого-то ты такой умный, а я глупый. Хоть бы один разок и меня куда-нибудь взяли. Да разве возьмут!

– Ни за что не возьмут! – визжит старая желтая дверь. – Я уже здесь тридцать лет служу, а меня ни разу в город не взяли. Значит, и тебя не возьмут!

Но старая дверь ошиблась. Ее-то, конечно, никуда не взяли, а замочек взяли.

Сняли его люди с дверных колец и повесили на новую блестящую скрипучую корзину.

Замочку все едино – что дверь, что корзина. Висит он себе на корзине, засунув палец в рот, и ждет, что дальше будет.

А дальше было вот что. Положили в корзину вещи, заперли ее на ключ и вынесли за дверь.

Завизжала старая дверь на прощанье:

– Будьте здоровы, замочек и ключик! Будьте здоровы! Поскорее назад возвращайтесь!

– Ладно, ладно, вернемся, – ответил замочек, весело постукивая о корзину.

Снесли корзину с лестницы. Повезли на автомобиле через весь город к вокзалу. А там уже поезд стоит – длинный поезд с паровозом впереди.

Занесли корзину в вагон и поставили на самую верхнюю полку над дверью. Очутилась корзина на другой корзине, а та корзина стояла на новеньком желтом чемодане, а под этим чемоданом другой чемодан был, старый, коричневый, а под ним еще третий чемодан, черный, блестящий, с двумя серебряными замочками. Тронулся поезд, закачались замочки из стороны в сторону, заболтали, заговорили между собой:

– Далеко ли едете? Далеко ли едете?

– Сами не знаем куда, сами не знаем куда!

А ехали корзины и чемоданы в разные города и страны: и в Швецию, и в Грецию, и в Данию, и в Испанию, и в Италию – и так далее. И дальше всех ехала корзина с черным блестящим замочком. С поезда попала она на пароход, с парохода на самолет, с самолета опять на пароход.

На крышке ее и на боках появилось много-много разноцветных бумажных наклеек. На каждой наклейке было написано большими буквами название страны и города, где корзина побывала. А на одной бумажке была очень интересная картинка: синий слон с золотой палаткой на спине. Под картинкой было напечатано непонятное слово:

"Калькутта"

Это город такой в Индии.

Старая дверь по-прежнему на своих петлях висела и никуда из дому не выходила.

Вместо черного замочка висел на ней теперь огромный ржавый замок. А отпирали этот замок большим ржавым ключом.

Не ладили между собой ключ с замком. Не слушался замок ключа. Целый час дверь отпирать приходилось. Ворочается ключ в замке, скрипит, ворчит, а толку нет. Захочет ключ из замка вон вылезти, а замок его не пускает.

"Эх, – думает старая дверь, – возни с вами сколько! Хоть бы поскорее мои друзья, замочек и ключик, назад вернулись! За всю жизнь ни разу они между собой не поспорили. Такие были тихие, солидные. Где-то теперь они странствуют? Может, потерялся ключик где-нибудь по дороге или в море утонул, а без ключика и замочек никому не нужен стал. Вернется домой корзина, а на ней будет болтаться какой-нибудь дикий диковинный заграничный замочек. Эх, жалко, жалко!"

Но опять ошиблась старая дверь.

Как-то раз утром приехала домой корзина. Поднялась во второй этаж и остановилась отдохнуть перед самой дверью. Смотрит дверь на корзину и не узнает: вся она оклеена разноцветными бумажками.

А какой на ней замочек висит? Новый? Заграничный?

Нет, прежний – черненький, кругленький, похожий на собачку, свернувшуюся клубком.

– Здравствуй, здравствуй, замочек, – завизжала старая дверь. – Цел ли ключик?

– Цел, цел, – защелкал замочек, постукивая о корзину.

На другой день утром сняли с двери большой ржавый замок и вместе с ключом выкинули вон. А на дверь прежний замочек повесили. Будто и не уезжал он никуда из дому.

– Ну, друзья, – сказала старая дверь, – рассказывайте, что за границей делается. Есть ли, например, там в домах двери или люди в окна лазают?

Первым начал рассказывать ключик. Он с хозяином всюду ходил, всюду ездил. Куда хозяин – туда и он. А замочек и за границей при вещах оставался, корзину сторожил. Служба у него такая.

– Ах, – говорит ключик, – где только я не побывал, чего только не повидал!

– Рассказывай, рассказывай! – визжит старая дверь.

– Ладно, – говорит ключик. – Начнем по порядку. Выехали мы скорым поездом в 9.30. Я это потому знаю, что со мной в одном кармане ехали часы со звоном. А еще с нами ехала коробка папирос, спички, перочинный ножик и два двугривенных. Ну, и толкались же мои соседи в дороге, особенно двугривенные. Хорошо, что их скоро истратили.

– А какой вагон у вас был? – спросила дверь. – Расскажи, пожалуйста. Я никогда в жизни железной дороги не видала.

– Вагон? – переспросил ключик. – Я его как следует не разглядел. Темно было.

– Что ты, ключик, это в кармане темно было, – сказал замочек. – А в вагоне и днем и ночью свет был. Мы с корзиной все время глядели с полки в окно и видели, как мимо нас едут деревья, домики, башни, телеграфные столбы, высокие перила мостов. А ночью окошко делалось черным-черным, и в [нем] отражались электрические лампочки, которые горели у нас под потолком. Ты, ключик, ничего этого не видел потому, что в кармане сидел.

– Верно, сидел, – говорит ключик. – А потом мы с замочком поехали по морю на пароходе.

– По морю? – удивилась дверь. – Расскажи, какие моря бывают и какие пароходы по ним плавают.

– Да что тут расскажешь, – пробормотал ключик. – По-моему, ничего интересного в море не было. Со мной вместе ехали большой толстый лимон и перочинный нож. Лимон занимал очень много места. Потом лимон с ножиком куда-то вышли, и в кармане стало просторнее. Лимона я с тех пор больше не видел, а когда нож вернулся, от него сильно пахло лимоном. Должно быть, он зарезал лимон. Я в этом не сомневаюсь.

– И больше ты ничего про море не расскажешь?

– Больше ничего.

– Что ты! – сказал замочек. – Мы с корзиной и на пароходе все время в окошко глядели. Окошки там круглые, а стекла в них толстые-толстые и чистые-чистые. Каждый день их по два раза моют и протирают. Очень интересно было глядеть в окошко. Утром солнце прямо из воды вылезало, а вечером опять падало в воду. И как только оно до сих пор не потухло в воде – я не понимаю. А днем мы в море летающих рыб видели и черных жирных дельфинов, которые кувыркались в воде. Ты, ключик, ничего этого не видел, потому что в кармане сидел.

– Ну, расскажите теперь, пожалуйста, про южные жаркие страны, попросила дверь.

– В жарких странах очень жарко, – сказал ключик. – Наш хозяин все время белые полотняные брюки носил.

– Да ты не про хозяйские полотняные брюки рассказывай, а про жаркие страны.

– Больше мне нечего рассказывать, – сказал ключик.

– Как нечего? – удивился замочек. – Да ведь мы там на слоне катались. Видала ли ты когда-нибудь слона, дверь?

– Ни разу в жизни, – проскрипела дверь.

– И я не видал, – сказал ключик.

Замочек даже палец изо рта вынул.

– Что ты, что ты, ключик? Да ведь ты же сам в Индии на слоне катался, вместе со мной. Только тебе из кармана не видно было, на ком ты едешь. А это был самый настоящий живой слон. Ну, если вы с дверью хотите, я попрошу корзину показать вам слона. Он у нее на боку нарисован. Вот вы и увидите слона хоть на картинке.

В тот же день ключик увидел в первый раз в жизни слона. А так как на картинке

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
слон был маленький и синий, – он и подумал, что слоны бывают маленькие и синие.

А на самом деле они бывают серые и очень большие.

Когда я написал эту сказку, я прежде всего прочел ее одному своему знакомому, который когда-то побывал в Индии.

Он выслушал сказку и сказал мне:

– Про Индию у тебя мало говорится.

– Верно, – согласился я. – Про Индию я очень мало знаю. Не расскажешь ли ты мне о ней чего-нибудь.

– Ладно, расскажу.

Он уселся поудобнее на диване, поправил на носу очки, положил ногу на ногу, нахмурил лоб и сказал:

– В Индии водятся слоны.

– Это я и без тебя знаю, – перебил я его. – А еще что расскажешь?

– В Индии живут индусы.

Больше я не стал его слушать. Должно быть, он в Индии все время в гостинице сидел и папиросы курил. Оттого-то он ничего не знает про Индию. Знает только, что в Индии живут индусы, женаты на индусах и говорят по-индусски. Вот и все.

ПРИМЕЧАНИЯ

Проза разных лет

Зимовье на юге. – Впервые во "Всеобщей газете", СПб. 1911, э 470, 1 января, за подписью: С. Яковлев.

Печатается по тексту газеты.

Авиация. – Впервые в журнале "Всеобщий ежемесячник", СПб. 1911, э 6, за подписью: Нанди, в разделе "Фельетон Всеобщего ежемесячника".

Печатается по тексту журнала.

Под железнодорожным мостом. – Впервые в "Неделе "Современного слова", СПб. 1913, э 260, 1 апреля.

В конце августа 1912 года Маршак уехал в Англию, договорившись с рядом петербургских газет и журналов о публикации его корреспонденции. Это давало ему средства для учебы в Лондонском университете. Данный очерк – один из первых в этой серии.

1 Имеется в виду известная строка из "Божественной Комедии" Данте: "Оставь надежду всяк, сюда идущий" ("Ад", песня 3, стих 9; перевод Д. Мина).

Печатается по тексту газеты (приложения).

На детской выставке. – Впервые в газете "Биржевые ведомости", СПб. 1913, 10 апреля, вечерний выпуск, за подписью: Д-р Ф-н (сокращенный вариант псевдонима С. Маршака: Доктор Фрикен).

1 Слушательница Бестужевских курсов – женского высшего учебного заведения при Петербургском университете. Слушательницы, окончившие курсы, получали право преподавать в женских средних учебных заведениях. Курсы получили название по фамилии профессора русской истории Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (1829–1897), первого их руководителя.

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru
2 Фребелевская школа – школа, созданная на основе идей немецкого педагога Фридриха Фребеля (1782–1852), разработавшего систему дошкольного воспитания.

Печатается по тексту газеты.

Робинзон нашего времени. – Впервые с подзаголовком "(Корреспонденция "Биржевых ведомостей")", в газете "Биржевые ведомости", СПб. 1913, 14 апреля, за подписью: Д-р Фрикен.

Впоследствии, в мае 1914 года, Маршак перевел книгу Дж. Ноульса. Книга выпущена в сентябре 1914 года издательством "Прометей" под заглавием "Два месяца в лесах" и без указания имени переводчика.

1 Рескин Джон (1819–1900) – английский теоретик искусства и публицист; считал возможным преодоление социальных уродств буржуазного общества путем художественного и нравственного воспитания человека в духе "религии и красоты".

Печатается по тексту газеты.

Школа простой жизни. – Впервые с подзаголовком "(От нашего корреспондента)" в газете "Биржевые ведомости", СПб. 1913, 2 августа, вечерний выпуск, за подписью: Д-р Фрикен.

В очерке описывается первое посещение Маршаком школы английского педагога Филиппа Ойлера (род. в 1880 г.). Впоследствии весной и в начале лета 1914 года Маршак вместе с женой Софией Михайловной принимал участие в деятельности школы.

1 Имеется в виду фигура Иоанна Крестителя с картины А. А. Иванова (1806–1858) "Явление мессии народу" (1837–1857).

2 Дункан Айседора (1878–1927) – танцовщица, искала новых путей развития танцевального искусства, проповедовала идею всеобщего художественного воспитания детей.

Печатается по тексту газеты.

Праведное завещание. – Впервые в "Неделе "Современного слова", 1913, э 291, 4 ноября:

Третья из цикла индийских легенд, написанных Маршаком в 1913 году во время его пребывания в Англии. Цикл состоит из пяти легенд: 1. Испытание. 2. Поручение раджи. 3. Праведное завещание. 4. Песни попугая. 5. Бедный судра.

Печатается по тексту газеты.

Песни попугая. Впервые под названием "Попугай" в "Неделе "Современного слова", СПб. 1913, э 293, 18 ноября.

Четвертая из цикла индийских легенд Маршака 1913 года.

В 1957 году Маршак обратился к рукописи первоначального варианта легенды, весьма отличавшегося от газетного текста, и внес ряд исправлений в свое юношеское произведение.

Печатается по тексту машинописи 1957 года.

Отдых моряка. – Впервые в приложении к газете "День", СПб. 1914, 23 февраля.

Первый очерк из цикла путевых очерков "По Англии", написанных Маршаком на основе впечатлений от путешествия по Корнуоллу и Девонширу (графствам на юго-западе Англии). С 20 июня по 7 июля 1913 года Маршак и его жена преодолели расстояние 140 миль (около 224 км.) – большей частью пешком. Они посетили порт Плимут, городок Тинтаджель (26–27 июня), курорт Фой (29–30 июня).

В архиве поэта сохранился стихотворный дневник путешествия. Отрывок из него был опубликован Маршаком в 1917 году под названием "Армия спасения" (см. т. 5 наст. изд.).

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru

1 Герои кельтской легенды о трагической любви Изольды, жены корнуоллского короля Марка, к его племяннику Тристану. Легенда легла в основу французского рыцарского романа. Маршак имеет в виду английскую версию романа.

2 Теннисон Альфред (1809-1892), Моррис Уильям (1834-1896), Суинберн Алджерон Чарлз (1837-1909) английские поэты.

Печатается по тексту газеты с исправлением по рукописи очерка (слово "амвон" было заменено цензурой на "трибуну").

Лифт. – Впервые в газете "Петербургский курьер", 1914, 14 апреля, за подписью: Уэллер.

В очерке упоминаются Бодмин, Лонстон – города, в которых побывал Маршак вместе со своей женой во время путешествия по Корнуоллу и Девонширу летом 1913 года.

1 Легендарный король британцев Артур, живший в Корнуолле, и его 12 приближенных рыцарей. Как самые храбрые и благородные приверженцы короля, эти рыцари имели право заседать вместе с ним за одним круглым столом.

Печатается по тексту газеты.

Рыбаки Полперро. – Впервые в журнале "Аргус", СПб. 1914, э 18, июнь.

Полперро – рыбацкая деревня на берегу Ла-Манша в 7 милях (11 км.) от курорта Фоя. С. Я. и С. М. Маршаки побывали в Полперро 30 июня – 2 июля 1913 года.

Печатается по тексту журнала.

Двенадцать месяцев. – Впервые напечатано одновременно в сборнике "Новый год", Детгиз, М. – Л. 1943, с подзаголовком: "Новогодняя сказка", и в кн.: С. Маршак, Двенадцать месяцев, Детгиз, М. – Л. 1943, с подзаголовком: "Славянская сказка".

Прозаический вариант драматической сказки "Двенадцать месяцев", написанной и напечатанной одновременно с данной сказкой.

Печатается по кн.: С. Маршак, Двенадцать месяцев, Детгиз, М. – Л. 1943.

Весенние облака. – Рукопись отрывка – в тетради автографов стихотворений, написанных во время путешествия Маршака по Ближнему Востоку, в 1911 году.

Печатается по автографу.

Изумрудный остров. – Первый из цикла путевых очерков "По Ирландии", задуманного Маршаком после его путешествия пешком по берегам реки Шаннон в мае 1914 года. Однако начавшаяся в августе 1914 года мировая война помешала осуществлению этого замысла.

1 В Бельфасте, центре графства Ольстер (на севере Ирландии), весной летом 1913 года под влиянием английской реакции среди протестантской части населения шла активная подготовка к вооруженному выступлению против католиков – сторонников гомруля (см. ниже).

2 Это заявление собеседника Маршака насквозь лицемерно. На самом деле английское правительство на кабальных условиях финансировало "выкуп" ирландским крестьянством у лендлордов земли, некогда принадлежавшей его предкам.

3 Согласно "Акту об унии" (вступил в силу 1 января 1801 г.) ирландский парламент был упразднен посредством объединения его с английским парламентом.

4 Билль о гомруле (самоуправлении – от англ. home rule), предусматривавший создание ирландского парламента, был внесен английским правительством либералов в парламент в 1912 году, был принят Палатой общин, но консервативное большинство Палаты лордов отклонило билль. По английским законам, правительство имело право еще раз внести билль на рассмотрение парламента. Этим правом оно воспользовалось в следующем, 1913 году.

Печатается по автографу 1914 года.

Проза разных лет. Самуил Яковлевич Маршак marshaksamuil.ru

Верблюд и свиньи. – Пересказ одноименной индийской сказки из английской книги: "Indian Fables. Collected and edited by P. Y. Ramaswami Raju", London, 1887.

Печатается по автографу начала 1920-х годов.

Замок Инчикуина. – Впервые посмертно в газете "Литературная Россия", 1966, э 34, 19 августа.

В рассказе нашли свое отражение воспоминания об учебе в лондонском университете и путешествии пешком по Ирландии в мае 1914 года. В письме от 13 мая 1914 года к своим родным Маршак описал случайную встречу с бароном Инчикуином ("прямым потомком короля Ирландии Браян Бору, победителя англичан"), однако барон из рассказа не имеет ничего общего с реальным Инчикуином.

Печатается по автографу середины 1930-х годов.

Ключик и замочек. – Впервые посмертно в газете "Литературная Россия", 1966, э 8, 19 февраля.

Маршак работал над сказкой в основном в 1935 году.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://marshaksamuil.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!